

18+

ЧЁРНЫЙ АЛЬМАНАХ

— ДЕВЯТЬ ИСТОРИЙ —

Маша Кубикова

Черный Альманах

<https://litres.ru/74503557>

ISBN 9785007127776

Аннотация

Когда один человек делится своим страхом — это откровение, когда многие — это угроза. Когда авторы собираются вместе, они выливают поток боли целого мира. Страх за жизнь, за потерю справедливости, за будущее. Он разный, выведен многими оттенками и не всегда оставляет надежду на спасение.

Если вы готовы испытать себя на прочность, примерить разные маски и пройти через лабиринты опасностей, значит, нам по пути.

Девять историй, в каждой из которых можно потеряться навсегда.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Gray Wolf	15
В тихом омуте	15
Елена Твист	50
Псарь	50
Илья Скад	93
Убийство в безопасной зоне	93
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Черный Альманах

Составитель Маша Кубикова

Дизайнер обложки Маша Кубикова, Илья Склад

© Маша Кубикова, составитель, 2026

© Маша Кубикова, Илья Склад, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2777-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Пламя свечей дрожало в такт неслышной музыке сквозняка, гуляющего где-то под сводами особняка. Тяжелые бархатные портьеры поглощали остатки дневного света, отгораживая гостиную от октябрьской сырости. Здесь время текло иначе.

Илья поднял бокал, и гранатовые блики заиграли на его кружевной манжете. Костюм сидел на нем с той небрежной элегантностью, которая доступна лишь тем, кто носит подобное не первый вечер.

— Господа, — его голос прозвучал глухо и почти вязко. — Я рад, что «Черный альманах» наконец обретает плоть. Шесть рукописей, шесть голосов. И мы с Марией добавим свои в этот хор.

Мария стояла у камина. Высокий ворот её темно-зеленого платья подпирал подбородок, а в глазах плясали отблески огня. Она лишь едва заметно кивнула, поправляя выбившийся локон.

— Начнем, — произнесла она почти шепотом.

Дворецкий возник из тени портьеры бесшумно. Это был высокий старик с лицом, изрезанным морщинами. Его ливрея, расшитая потускневшим серебром, сидела мешковато на иссохшем теле, а движения были медленны и неестественно плавны. Он скользил вдоль стола, разливая вино, и в его

присутствии воздух, казалось, становился холоднее.

Вячеслав невольно поёжился, поправляя галстук. Пошитый на заказ сюртук из тонкой шерсти не спасал от могильного холода, расплзавшегося по гостинной.

Первым поднялся Антон. Его пальцы, унизанные массивными перстнями, сжали кожаную папку. Атмосфера словно сгустилась вокруг него, когда он заговорил.

— Мой герой, Сергей Филатов, оказался в ловушке, выбраться из которой можно лишь одним способом — переиграть смерть. — Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся. — Чтобы выжить в кошмарной игре маньяка, Сергею Филатову придется пройти через все круги ада и посмотреть в лицо прошлым ошибкам — пока не сошел с ума... пока не настал рассвет.

Слова повисли в воздухе, и пламя свечей на мгновение пригнулось, будто от сквозняка, хотя окна были наглухо закрыты. Дворецкий замер у двери, превратившись в статую с посеребрённым подносом в руках. Антон сел, и воцарилась та особая тишина, в которой слышно, как потрескивают дрова в камине.

Следующим встал Вячеслав. Он не стал брать в руки рукопись — просто заговорил, глядя в темный угол комнаты, где колыхались тени.

— Алина ошибается дверью и попадает в ловушку: за ней охотится вооружённый сосед, его сообщница уже перекрыла все пути к спасению, а полиция не успевает. Единствен-

ной помощницей становится таинственная девочка, которую никто, кроме неё, не видит. Но поможет ли призрачная малышка выжить, или её жуткая мелодия — лишь прелюдия к новой ловушке?

В камине громко треснуло полено. Искры взметнулись вверх, и на мгновение лицо Вячеслава осветилось снизу, превратившись в демоническую маску. Он резко выдохнул и опустился в кресло, залпом осушив бокал.

Дворецкий тут же возник рядом, наполняя его снова. В свете свечей его глазницы казались пустыми. Никто не заметил, как он подошел.

Надежда заговорила, не вставая с места. Её платье цвета индиго контрастировало с обивкой кресла цвета фуксия.

— Есть ли жизнь после смерти? Можно ли найти друзей, победить врагов, почувствовать настоящий вкус жизни? И где? В посмертии? Да. Не верите? Спросите Призрака хосписа.

Она замолчала так же внезапно, как начала. Вопросы остались без ответа. Тишина стала гуще. Мария поднесла бокал к губам и замерла, так и не сделав глотка.

Елена поднялась плавно. Кружева её воротника дрожали в такт дыханию. Она положила рукопись на стол, но раскрывать не стала.

— Что делать, если фобия сильнее тебя? Можно ли убить страх? Во что обращается человек, решивший заглушить свой ужас чужой кровью? — Её голос звучал отстранён-

но, словно она читала нечто, видимое лишь ей одной. — С детства Влад привык быть жертвой собственных кошмаров, пока ему не показали другой путь. Теперь он — хищник. Смерть становится рутиной, но кошмар лишь прячется глубже, и однажды система дает сбой. Жизнь Влада превращается в лабиринт, когда из душного городского тумана появляется Пёс и становится его неотступной тенью. Что это? Приговор или шанс? Герою придется сделать выбор, который может стоить жизни и ему, и тем, кто вопреки всему стал ему дорог.

На последних словах свеча на столе погасла. Струйка дыма поднялась к потолку. Дворецкий медленно направился к ней, чтобы зажечь снова.

В этот момент Илья взял со стола стопку листов и нахмурился.

— Здесь ещё одна рукопись, — произнёс он, и его голос дрогнул впервые за вечер. — Девятая.

Собравшиеся переглянулись. Мария покачала головой. Вячеслав пожал плечами. Никто не признавался в авторстве. Листы были плотные, желтоватые, исписанные ровным, почти каллиграфическим почерком. Илья перевернул титульный лист — имени автора не было.

— Странно, — протянула Мария, нарушая общее оцепенение. — Продолжим. Возможно, автор объявится позже.

Илья помедлил, затем отложил безымянную рукопись в сторону. Взгляд его задержался на Даме в черном. Она сиде-

ла в самом темном углу, отдельно от всех. Густая вуаль полностью скрывала лицо. Траурное платье и перчатки до локтей делали её похожей на тень. На коленях у неё лежала тонкая папка. За весь вечер Дама не проронила ни слова и ни разу не притронулась к вину.

Дворецкий, зажигая свечу, на долю секунды задержался рядом с ней. Его высохшие пальцы чуть заметно дрогнули, а губы искривились в подобии усмешки.

Тишина сгущалась, превращаясь в нечто осязаемое. Мария нервно перебирала страницы своей рукописи. Вячеслав замер, глядя на тлеющие угли.

Илья поднял бокал, нарушая повисшее напряжение.

— Продолжим, — резюмировал Илья. — Я представлю свой рассказ.

Он встал. Пламя свечей отразилось в его зрачках.

— VRMMORPG для умирающих. Последняя надежда на вечность. Идеальное место для казни.

Он произнёс это ровно, без эмоций, и сел. Но эхо его слов всё ещё металось под лепным потолком.

Мария, как хозяйка, выждала короткую паузу. — Теперь я. — Она раскрыла свою папку, но смотрела куда-то поверх текста. — Процветающее семейство, богатое поместье, успех в делах. Все это не спасет, если в доме поселилось маленькое, но очень несчастное приведение. Оно будет дергать за ниточки и играть чужими судьбами.

Она закрыла папку и прижала её к груди. Взгляд её оста-

новился на безымянной рукописи, лежавшей особняком.

И тут заговорил Дмитрий. Его голос разрезал тишину.

— Одна ошибка, роковое стечение обстоятельств и больше нет жизни, нет будущего, нет веры. Приговор суда — восемь лет колонии строгого режима. На пути к свободе герой должен встретиться с призраками прошлого.

Он резко замолчал. Семь аннотаций прозвучали. Осталась Дама в черном, до сих пор не раскрывшая рта, и девятая рукопись без автора.

Дворецкий поставил поднос и направился к двери. Его шаги были абсолютно беззвучны. Он повернулся в профиль, и в колеблющемся свете всем почудилось, что у него нет лица.

— Ужин будет подан позже, — прошелестел он.

Дверь затворилась за ним, оставив собравшихся наедине с рукописями и сгущающимся мраком. А Дама в черном медленно начала подниматься со своего места, прижимая к груди заветную папку с лентой.

Вуаль колыхнулась, но лица по-прежнему было не разглядеть, лишь смутное пятно в обрамлении черного шелка.

Пламя свечей в канделябрах синхронно качнулось в её сторону, будто притянутое невидимой силой.

— Прошу, — произнесла Мария.

Дама в черном не ответила. Вместо этого она извлекла из папки один-единственный лист. Держа его перед собой, она заговорила. Голос её звучал странно и глухо.

— Что может случиться, если пойти в обычный поход недалеко от города? Можно заблудиться в лесу, можно выйти к заброшенному поселению, можно даже познакомиться с парочкой странных местных жителей. Александр и Лена, его жена, как раз оказываются в такой ситуации. А что же дальше? Несколько дней без цивилизации. Всплывут ли старые обиды или это просто местная вода вызывает непонятные видения? Легенда о русалках, которая стала явью или жестокое убийство? В Тихом Омуте никогда не знаешь реальность перед тобой или мозг сыграл странную жестокую шутку. Было ли это на самом деле?

Последняя фраза повисла в воздухе, и в комнате ощутило похолодало. Надежда зябко повела плечами. Елена отвела взгляд. Вячеслав смотрел на Даму в черном не отрываясь, словно пытаясь разглядеть сквозь вуаль хоть что-то.

Дама опустила на место. Положила лист обратно в папку и замерла.

Илья нарушил молчание первым.

— Итак, девять. — Он кивнул на стол, где по-прежнему сиротливо лежала безымянная рукопись. — Девять рассказов. Но один из них — без автора.

Все взгляды сошлись на рукописи. Она лежала отдельно от остальных, словно незванный гость, который уселся за общий стол и не собирается уходить.

— Может, это чья-то шутка? — предположил Дмитрий, но в его голосе не было уверенности.

— Шутка? — переспросил Вячеслав, нервно покручивая бокал. — Кто из нас стал бы шутить подобным образом?

Антон протянул руку к безымянной рукописи, но в последний момент отдернул пальцы.

— Текст без автора, — медленно произнесла Мария. — Мы должны его принять. К нам приходят рукописи. Так было всегда.

— Но эта не приходила, — возразил Антон. — Она просто появилась.

Дверь отворилась без скрипа. На пороге возник дворецкий. В руках он держал серебряный поднос, уставленный крошечными закусками. Но сейчас еда казалась неуместной, почти кощунственной.

— Ужин, — прошелестел он.

— Оставьте поднос и идите, — распорядился Илья, не глядя на него.

Дворецкий не шелохнулся. Прошла секунда. Другая. В тишине стало слышно, как где-то в недрах дома капает вода.

— Я ждал этот вечер, — произнес дворецкий.

Фраза прозвучала настолько неожиданно, что Мария вздрогнула и пролила вино. Алая капля скатилась по скатерти, впитываясь в белую ткань.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил Вячеслав.

Но дворецкий уже исчез.

— Нужно решить, — сказала Елена. Голос её дрожал. — Что мы делаем с девятой рукописью?

Илья взял безымянные листы в руки и нахмурился.

Свеча на столе погасла вновь. В этот раз никто не двинулся, чтобы зажечь её снова. Мрак сгустился. Тишина звенела.

— У нас девять рассказов, — подвел итог Илья. — «Черный альманах» будет состоять из девяти. Мы примем эту рукопись. Мы не будем искать автора. Мы просто примем.

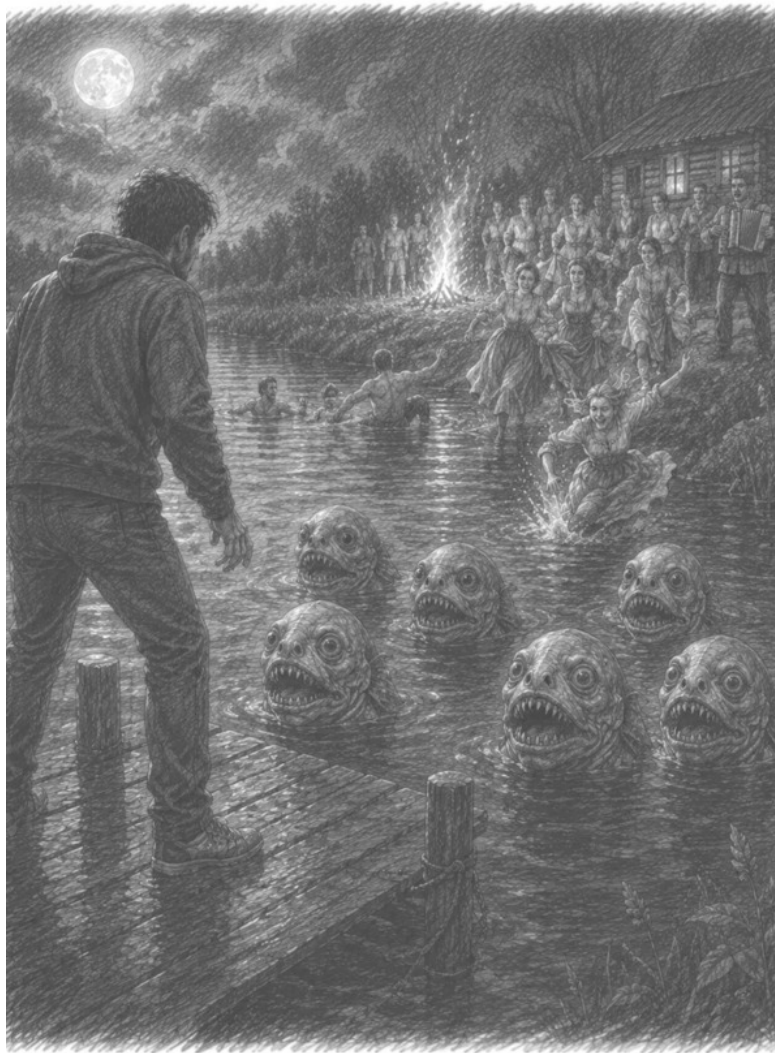
— Но... — начал было Дмитрий.

— Это клуб, — отрезала Мария. — Мы принимаем всё, что приходит.

Никто не возразил. Девятая рукопись уже стала частью «Черного альманаха».

Дворецкий не вернулся. Ужин остыл на серебряном подносе. В камине догорали угли, и комната погружалась во тьму медленно и неотвратимо. Авторы сидели вокруг стола, не в силах ни разойтись, ни заговорить. Над особняком сгустилась ночь, и в тишине слышался лишь далекий, едва различимый звук — то ли капли воды, то ли чьи-то шаги, крадущиеся по длинному коридору.

Илья Склад

Gray Wolf

В тихом омуте

— Стой... Стой, остановись. — Я кричал так, что закладывало уши, но она не слышала меня. Она все глубже и глубже заходила в воду. Река бурлила, водовороты кружили там и тут, затягивая вглубь тину, оторвавшуюся от берега. Она меня не слышала. Обернулась лишь раз, посмотрев на меня огромными зелеными глазами, улыбнулась и скрылась под коричневыми водами дикой реки...

В этот поход мы с женой собирались со скандалом.

— Сколько можно. — Кричала она — У людей машины, дачи, а у тебя один поход на уме. Я устала с палаткой по лесам таскаться. Может, пора о настоящей семье подумать?

— Хорошо, — я пытался ее успокоить. — Это последний раз и остановимся. Просто место такое... вроде не далеко и в то же время глушь. Просто дойдем и все...

— Опять твои руины, развалины...

— Малыш, это не просто развалины — это здание с привидениями. Да и вообще, там говорят местность рядом, прямо бермудский треугольник.

Лену было не унять еще полчаса. Я слушал, кивал головой, делал большие щенячьи глаза и обещал больше нико-

гда-никогда не заикаться о совместных походах. Я хитрил. Врал. Говорил то, что хочет она. В конечном итоге моя жена согласилась, не «за просто так», конечно. Я пообещал шикарный отдых на море через месяц. Море... Толпы пьяных людей, полуголый народ, неинтересные беседы и моя жена, которая вечно пытается подружиться со всеми вокруг. Я не люблю это, совершенно, абсолютно. Конечно, я не брошу ходить с палаткой по ночным лесам и заброшенным поселениям — это часть меня, часть моей жизни, то, что оставляет во мне надежду не потерять себя в тоскливых серых днях и чужих желаниях. Когда-то и она горела со мной этой идеей, преданно заглядывала в глаза, цеплялась за мою руку. Тогда я полюбил ее, тогда сделал предложение, тогда мы были счастливы. А теперь? Теперь она кричит уже полчаса, называя эти походы бессмысленными и уже не первый раз упоминая каких-то людей с дачами и машинами... Мне стало скучно. Стало невыносимо скучно с ней жить.

Мы вышли на старой остановке без обозначения населенного пункта. Мрачный уставший водитель ткнул пальцем в билет, открыл дверь и проводил нас недружелюбным взглядом. Мы закинули рюкзаки на спины, проверили снаряжение и направились напрямиком в лес. Тропа вела плавно, огибая вековые деревья, перепрыгивая через ручьи и останавливаясь у больших валунов. Мы шли несколько часов, а когда вышли к небольшой речке, поставили палатку и развели костер. Нехитрый ужин в полной тишине, удочки на берегу

и тихий шелест листвы в кронах осенних деревьев. Жена со мной не разговаривала со вчерашнего дня. Ну и пусть. Иногда бросая на нее косые взгляды, я наслаждался тишиной. Сейчас мне не хочется выяснять отношения. Сейчас я хочу тишины леса и шепота речных волн.

Мы переночевали и так же молча выдвинулись дальше. Лена уже заметно нервничала. То, что я никак не пытаюсь помириться, ее всегда бесило. Я улыбнулся тайком, перебежится и будет спокойнее. Даже сама заговорит, когда пройдет эта ее очередная злость. Я подожду.

После обеда мы заблудились. Тропинка резко оборвалась, уперевшись в расщелину. С той стороны оврага не было ничего, кроме густого леса и непримятой травы. Телефоны не ловили, связи не было, а карта безбожно врала, показывая дорогу между поселками, которой на самом деле не было и следа. Я напрягся, но вида не показал. Если скажу жене о нашем положении, нарвусь на очередной шквал матерных слов. Я свернул налево и пошел вдоль оврага, там выйду к реке, а это уже ориентир.

Солнце перевалило за полдень, питьевая вода заканчивалась, и мы сильно устали. Вместо реки мы вышли к небольшому ключу, который бил прямо из-под земли. Кто-то заботливо выложил дно вокруг небольшими, круглыми камушками. Вода выглядела совершенно прозрачной и пригодной для питья. Рядом на кусте одиноко висела эмалированная белая кружка, и толстая красная лента развивалась на вет-

ру. Я зачерпнул прямо из ручья, подняв небольшое облако редкого ила. Выпил всю кружку холодной воды с ароматами лесных трав и слабым сладким привкусом. Набрать воды, немного передохнуть и снова двинуться вперед, вот мой план. Я посмотрел на небо, которое затягивало жирными темными облаками. Будем идти строго на север, упрямся в небольшой поселок. Если верить карте, то там больше поселений, чем в остальных направлениях. Если к ночи не выйдем к людям, тогда и начнем паниковать, но лес не любит паникеров. Лес любит тех, кто всегда придерживается маршрута. Я опять промолчал. Поднялся ветер, не сильный, но стало неприятно. Он шелестел макушками деревьев, срывал желтые листья и бросал их нам под ноги. Я оглянулся, Лена шла, подергивая лямку рюкзака. Она была вымотана и скоро начнет со мной говорить. Я усмехнулся. Нужно искать место для стоянки. Ветер усиливался, сбивая облака в пышные кучи. Вот он уже свистит сверху, шатая полуголые кроны берез, и треплет наши куртки внизу. Я огляделся, главное — не начать ходить кругами. Солнце скрылось за тучами, поднялась влажность от земли и усилились запахи, ближе к ночи точно пойдет дождь. Я взял рюкзак у жены и повесил его себе спереди. Она устала, еле передвигала ноги, запинаясь чуть ли не на каждом шагу. Не стоит ей говорить, что я не знаю куда иду.

Уже через час ветер рвал листья охапками, начал накрапывать мелкий косой дождик, деревья в лесу стонали, а пти-

цы затихли. При таком ветре палатку можно поставить, но спать придется в холоде. Места для ночлега так и не находилось, кругом сплошной плотный мрачный лес. Я чувствовал, что скандала не избежать, не хотелось снова видеть изуродованное гневом лицо жены и вечные разговоры о людях, которые лучше меня. Я скривился и оглянулся, на ее лице была только усталость и ничего больше. Где эти полные любви и восхищения глаза, где эта невинная детская улыбка, где тот мир, в котором я был ей нужен? Я опять сморщился от неприязни. Нет, мне с ней не скучно, мне с ней неинтересно...

Откуда-то потянуло дымом, не костром, не пожаром, а печным дымом. С ароматом жареной картошки и мусора. Я резко повернул и пошел по ветру. Жена взяла меня за руку.

— Я устала, — еле слышно прошептала она.

Я улыбнулся. Вот такую я ее люблю. Слабую, беспомощную, маленькую девочку среди страшного леса, полного опасностей и одиночества, которая отчаянно нуждается во мне. Ее большие карие глаза наполнились слезами, она поджала губу и стиснула мою руку.

Я повел ее на запах, как вождь, как глава семьи, как мужчина...

Уже стемнело, когда мы вышли на окраину небольшой деревни. Серые обветшалые дома смотрели пустыми темными окнами, палисадники щетинились острыми некрашеными штакетинами, некошенная трава торчала рваными пучка-

ми. Ветер уже трепал деревья, пригибая их чуть ли не до самой земли, дождь усиливался и резко похолодало. В крайнем доме горел тусклый свет, из кирпичной трубы на крыше ветер рвал клочки дыма и прижимал их к земле, расстилая под ногами вонючий туман. Я дернул щеколду на веревке и открыл старенькую калитку, прошел прямо к двери дома по еле заметной тропинке. Аккуратный стук вышел громким, он отозвался противным металлическим скрежетом. Дверь плохо держалась на стареньких петлях, и она забрякала о металлический внутренний засов.

Открыла нам старушка, маленькая и сухонькая. Поначалу в полумраке сеней, я ее даже не увидел. Она будто вынырнула из серой массы сваленных там вещей.

— Мы заблудились. — Все, что я смог сказать.

Она подняла руку, жестом прерывая мои невнятные объяснения. Посмотрела оценивающе на меня, на прячущуюся за моей спиной жену. В этот момент порыв ветра повалил дерево на окраине леса, и оно с треском рухнуло на землю совсем близко. Мы с женой чуть присели от неожиданности и оглянулись. Старушка прищурила свои блеклые глаза, всматриваясь в темноту ночи, потом кивнула и пошла внутрь.

Она молча пододвинула табурет ближе к печке и подкинула несколько поленьев в топку, пламя ухнуло и осветило ее морщины. Что-то отвратительно отталкивающее было в этих старушечьих складках на лице, блеклых, почти бесцветных

глазах и сторбленной спине. Мы стояли на пороге, не решаясь пройти, нас не пригласили, но то, что мы сейчас в тепле и сухости уже хорошо. Старушка вытащила сковородку жареной картошки из печи, поставила ее на стол и обернулась на нас.

— Чего мнетесь? — трескучим, как старое дерево голосом сказала она. — Проходите, а то остынет.

Она положила пару ложек и достала из холодильника кусок соленого сала. Мы раздевались, пока она большим ножом счищала соль с куска.

— Одежку на печку кинь. И обувку туда же. — Она даже не смотрела в нашу сторону, но ощущение постороннего взгляда не давало расслабиться. — Там просохнет быстрее.

Она нарезала сало крупными кусками и ушла в смежную комнату. Мы поставили рюкзаки на пол, обувь на край печи, а куртки бросили на лежанку. Печка была большой, сложенной намного раньше, чем стены этого дома. Раньше строили именно так. Сначала печь, а вокруг нее уже дом. Штукатурка на печи местами потрескалась, из-под нее выглядывали рыжие крупные кирпичи, лежанка застлана домоткаными узкими половиками, а ниши-печурки покрылись внутри паутиной. Да и вообще весь дом пах старостью и прошлым столетием. Ни тебе сделанной на заказ ламинированной кухни, ни привычных нам городским стиральных машин, ни стандартных подсветок на полочках. Одинокая голая лампочка с нитью накаливания внутри, мигала под потолком при силь-

ных порывах ветра, обветшалый металлический умывальник в углу, нескладный узкий с переплетом стол, несколько обтрепанных стульев и странная картина в картонной рамке на стене. Ни цветов на подоконниках, ни кружевных занавесок, ни мягких пуфиков ручной вязки, никакого деревенского колорита. Окна щетинились деревянными рамами с облезшей краской, а штукатуренные стены блестели ржавыми жирными пятнами.

Старушка вынесла из недр дома пушистую серую шаль и подала жене.

— Накинь, простудишься. — Она осмотрела ее снизу вверх, на секунду задержала взгляд на лице, довольно чмокнула и перевела взгляд на меня. — Чего вас принесло в такую даль?

— А где мы? — поинтересовался я, радуясь, что старушка заговорила.

— Да вы о нашей деревеньке и не слышали, наверное, — она достала круглую начатую булку хлеба и положила ее на стол. — «Омут» называется.

— Омут? — переспросил я.

— Тут речка рядом — старка. Не смотри, что мала, течение там посерединке крутое, а дно илистое. Поворотов много в ней, туда-сюда петляет по лесу, вот течение и крутит. В одном месте кинешь палку, в другом всплывет. Говорят, в старые времена в ней девки часто топились, сказок насочиняли про нас, не пересказать. Вот и прилипло название, толи из-

за речки, толи из-за сказок про чертей, теперь уже не разоб-
брать.

— А до города далеко? — спросил я.

— Не так чтобы... — старушка задумалась. — Через три дня Пахомыч поедет туда, заберет вас, коли надо, а так не выберетесь. Дорог сюда давно нет.

Я зацепил ложкой горячую картошку, зачем-то понюхал ее и отправил в рот. Тепло разлилось по телу, я согрелся и уже не пугала старушка, мигающая лампочка и воющий снару-
жу ветер. Жена с благодарностью посмотрела на меня и отломил
большой кусок хлеба. Старушка сидела рядом и не сводила с нее
глаз.

— Постелю вам в комнате. — Она встала и погладила Ле-
ну по голове. — Волос у тебя красивый. Поздно уже. Спать
давайте.

Она вышла минут через пятнадцать, в руке у нее был гре-
бень.

— Волосы расчеши перед сном. Спутаются. Такую красо-
ту потеряешь. — Она покосилась на меня и встала рядом
с женой, положила гребень на стол. Он блеснул серебром и
разноцветными камушками.

— Не смотри так. Ценности в нем нет — железка да стек-
ло. Просто берегла для особого случая, а теперь уж куда мне?
Не сегодня, завтра помру и сожгут мой дом за ненадобно-
стью. Или по предрассудку, люди-то пугаются всему, к чему
привычки нет. Наследство некому мне передавать, разве что

русалкам.

Она засмеялась своей шутке и принялась убирать со стола. Я взял жену под руку и увел в комнату. Мы улеглись на узкую кровать с железными спинками и никелированными шариками на стойках. Жена положила гребень на стул рядом, но расчесываться не стала, наверное, брезговала. Я лежал спиной к холодной стене, Лена примостилась на краю. Луна светила в окно без штор, рисуя странные узоры на стеганом ватном одеяле. Мне не спалось. Я устал, перемерз, был напуган. А еще невысказанные претензии жены, которые я точно услышу дома, портили настроение. Возвращаться не хотелось, я искал выход из уже невыносимой ситуации. Мысли крутились в голове как карусель, быстро сменяя одна другую: недовольная жена, какие-то люди с дачами и машинами, скучная работа с дебилом начальником, еще эта поездка, которую я пообещал жене... Я на минуту закрыл глаза, вспоминая, есть ли на карте деревня с таким странным названием, а когда открыл — вздрогнул. Два желтых горящих глаза смотрели на меня из темноты не моргая. Я присмотрелся. Тусклый свет луны не давал разглядеть, кажется или нет. Я высвободил руку из-под одеяла и махнул ей в воздухе. Кто-то спрыгнул с табурета и приземлился на лапы. Совершенно тихо. Кошка. Не видел ее раньше.

Я задремал, когда и насколько непонятно, разбудило меня тихое пение. Луна уже скрылась за верхушками деревьев, но темнота ночи еще не отпускала небо. На кухне горел свет.

Пение доносилось оттуда. Тихое. Протяжное. Мелодия была похожа на колыбельную. Она манила и звала за собой. Я присмотрелся. Моя жена сидела на табурете посреди кухни под тусклой лампочкой, а старушка причесывала ее волосы серебряным гребнем. Ее медленные плавные движения были похожи на танец. Что-то екнуло у меня внутри. Голос. Точно. Вчера старушка говорила скрипучим голосом, а песня лилась тихо и плавно, будто пела ее девушка.

— Лена. — Окликнул я жену.

Жена сидела тихо. Старушка услышала меня, но не обернулась. Лишь на мгновение ее рука остановилась и снова продолжила медленное движение... сверху вниз. Одна рука с гребнем причесывает, вторая приглаживает торчащие волосы...

— Лена, — чуть громче позвал я.

Жена повернулась плавно, как в замедленной съемке. Я присмотрелся — мертвенно-бледное лицо, синие губы и мутные глаза. Она моргнула, и видение пропало. На кровать запрыгнул совершенно черный кот и зашипел на меня как змея. Я сбросил его с кровати, провожая взглядом, а когда поднял глаза, понял, что Лена стоит прямо предо мной. Она улыбалась. Никакой бледности или синих губ.

— Мне не спалось. — Она подмигнула. — Бабушка Аня хочет заплести мне косу. Как раньше плели. Здорово же.

Лена подпрыгнула на месте и понеслась обратно на кухню, взгромоздилась на табурет и поджала ноги, как маленькая

девочка. Она поерзала на нем, выбирая удобное положение, и обратилась к старушке.

— Продолжайте. Это так приятно.

Бабушка Аня посмотрела на меня, ее хитрые старческие глаза полоснули ножом, а рот растянула неприятная улыбка. От этой улыбки мне захотелось спрятаться под одеяло — я спрятался. Натянул его до самой макушки. Снова послышалось тихое пение, я зажмурился, но никак не мог избавиться образа старухи, от ее взгляда и улыбки. Когда она смотрела прямо на меня, я четко видел, что голубые старушечьи глаза с поволокой блеснули красными искрами, так же как вчера, когда ее лицо осветил огонь, но сегодня огня не было, а искры были.

Сон не приходил. Я лежал под одеялом и слушал это пение, потом оно прекратилось. Я услышал голос жены. Она никогда так не разговаривала со мной, даже в молодости, когда мы только начали встречаться. Милый голосок юной девушки, короткий смешок, что-то опять тихое и милое. Она топотала по кухне в маленьких тапочках, гремела посудой и смеялась в ответ на короткие старушечьи фразы. Потом хлопнула дверь и все стихло.

Я высунул голову из-под одеяла. Теплились холодные предрассветные сумерки. За окном без штор я увидел забор. Старый, повалившийся под весом девичьего винограда, только толстые столбики опор одиноко торчали на фоне светлеющего неба. На столбе сидел кот и смотрел на меня

сквозь загаженное мухами стекло. Я обернулся, оглядел комнату, искал обувь под кроватью и, зачем-то, снова устоял в окно. Теперь за котом стоял седовласый старик, он смотрел в окно и не моргал. Видит ли он меня в темной комнате? Я вылез из-под одеяла и встал у двери. Кот медленно проводил меня взглядом. Старик повернул голову в такт, прищурился, разглядывая темноту комнаты. Я юркнул на кухню, в этот момент дверь открылась, и жена вошла с двумя ведрами воды. Она поставила их на лавку у печи, отерла рукавом пот и улыбнулась.

— Мы ходили к колодцу. — Заявила она радостно и протянула руку старушке, помогая ей перешагнуть через порог. — Ты не представляешь. Там дерево рухнуло прямо посреди дороги. Вот такое.

Она развела руки, показывая толщину ствола.

— Вы говорили дороги нет. — Я устоялся на старушку.

— В город нет. А вот в соседнее село есть. — Старушка кашлянула в кулак. — Только ехать то не на чем.

Я схватился за рюкзак.

— Мы пойдем пешком. Собирайся. — Скомандовал я же не.

Она обиженно потрянула заплетенной косой и надула губу, как маленький ребенок.

— Бабушка Аня хочет научить меня печь хлеб на углях. Я хочу попробовать.

— И зачем тебе это в квартире? — меня разбирала досада.

Что-то противоестественное было в том, что моя рациональная жена, которая так старалась влиться в общество соседей, не рвется в комфорт цивилизации, а хочет печь хлеб на углях. И эта ее манера разговора раздражала, она будто всю ночь учила деревенскую речь — не слова, а именно интонации. Протяжные, как вчерашняя песня... Я невольно вздрогнул, вспомнив ее бледное лицо у кровати ночью.

— Вот ты всегда так. — К ней вернулся обычный презрительный тон. — Что бы я ни попросила, ты все делаешь по-своему. Поход в какую-то глушь. Спать в палатках... есть непонятно что... я устала от тебя.

Передо мной на пол опустились два пустых металлических ведра. Старушка разогнулась, встав между нами и ехидно высказала:

— Там банька на берегу. — Она показала пальцем в окно. — сходи, водички натаскай с реки. И затопи. Не на что тут обижаться то. Помоешься перед дорогой, а я пока хлебушек испеку для вас.

Я схватил ведра и вышел. Прямо за калиткой меня поджидая старик.

— Новенькие? — буркнул он и прищурился. — Это хорошо. Пойдем со мной.

Он вскинул на плечо топор и наклонился за пилой, старая ржавая двуручная пила лежала у его ног, скрываясь в опавшей листве.

— Куда? — спросил я.

Старик не ответил, он просто шел и не оглядывался, будто был уверен, что я иду следом.

Деревня и правда была небольшая, пять дворов смотрели калитками на поляну, старые заборы, обветшалые дома, выросший бурьяном одинокий литой дом с выбитыми стеклами и вывеской «магазин». Лес постепенно поедал это место, выставляя белые молодые березки на месте прежних огородов. Единственная дорога щетинилась выбитым асфальтом. Одиноко ходила в стороне непривязанная лошадь. Ни собак, ни других людей. Полная тишина.

Старик пересек поляну и остановился у поваленного дерева, оно перегородило тропинку от колодца к поселению. Плотнo утоптанная земля, единственное свидетельство хоть какой-то жизни. Он положил топор на землю и вскинул пилу, звякнув о ствол. Примерился. Встал поудобнее. Вжих. Со старой пилы на белую кору посыпались куски ржавчины. Я схватился за рукоятку и потянул. Вжих. Я приноравливался к темпу, вытягивая пилу на себя. Вжих. С каждым запилом белый ствол дерева все больше покрывался рыжей пылью. На моих руках она смешивалась с потом и давала красный оттенок. Я посмотрел на свои руки, будто вымазаны в чьей-то крови, а этот белый ствол напомнил кости. В голове мелькнули кадры из фильмов, которыми я увлекся последнее время, и игривая улыбка растянула мои губы. Не хватает только злодейского смеха.

— Заснул? Старик не остановил темп и продолжал пи-

лить, сильнее наклоняя полотно. Вжих. Вжих.

Я обтер ладони о штаны и снова взялся за рукоять. Старик пилил ровно, не сбавляя темп, монотонно. Пила ходила с тихим свистом. Первый чурбан упал на землю. Старик пихнул его ногой и примерился снова. Вжих. Мы распилили почти весь ствол, чурки валялись там и тут и мешались под ногами. Я устал, руки немели, а спина с непривычки ныла.

— Может, передохнем? — я вымотался, ладони горели, а старик так и не останавливался. Он тряхнул головой и скривился. Наверное, это была презрительная улыбка. Но мне все равно. Из-за спины слышался голос моей жены.

— Эй, идите завтракать. — Она стояла у калитки и махала рукой.

Дед остановился, выпрямил спину, сплюнул пыль, скопившуюся в горле, на траву и махнул в ответ.

— Умойся. — Бросил он мне и направился к колодцу. Ведро с грохотом полетело вниз, ладонь старика легла на ворот и привычно притормозила его, цепь натянулась, второй рукой он ловко закрутил изогнутую металлическую ручку. Ведро, почти не расплескав воды, поднялось вверх, Пахомыч поставил его на край и наклонил. Студеная вода с запахом земли и трав потекла ровной струйкой, я подставил руки, долго оттирал ржавчину с пальцев, потом набрал воду в ладони и плеснул себе в лицо, подставил снова и напился прямо из ладоней. Сладковатый привкус напомнил о ключе в лесу и красной ленте. Тряхнув головой, отгоняя видение, вер-

нулся к старику и колодцу. Я не ожидал такой силы от старого человека, он молча держал ведро, его рука даже не дернулась. Обычный сухонький старичок, седые волосы, крупные ладони, загорелое лицо, только взгляд — будто все время упрекал меня. Под таким взглядом мне стало неуютно, все время хотелось отвернуться, казалось, его темные глаза не имели зрачка. Он смотрел сквозь меня, при этом улыбался так, как будто знает все мои мысли. Он выплеснул остатки воды на рыжую траву и повесил ведро на крюк, молча развернулся и пошел к дому.

Бабка Аня сидела за столом, дед примостился рядом, а моя жена привычными движениями накрывала на стол. Сначала тарелку деду, потом бабке, и только потом мне. На столе уже стояли соленые огурцы, присыпанные луком, нарезанный кусок вяленого мяса, свежие лепешки хлеба с раздутыми пригоревшими пузырями. Из печки она вытащила огромную сковороду с яичницей и поставила ее на середину стола. Из-за большого количества яиц не было видно белка и желтка. Масса дыбилась одноцветной волнистой субстанцией со множеством мелких извилин. Жена воткнула нож в середину, и яичница охнула, она осела серединой и теперь стала похожа на пески у моря. Моя жена изменилась. Как будто она привыкла к этому месту, ее не смущал молчаливый старик и эта сморщенная старуха... Мой взгляд остановился на старухе, сегодня она выглядела моложе, чем вчера, намного моложе. Может, это из-за дневного света и мне вчера просто

показалось, что она настолько стара, но на ее лице не было таких глубоких морщин, как раньше, а волосы, замотанные в пучок, просвечивали черными прядями. А вот моя жена... Моя жена была бледной, на руках проступили синие венки, под глазами залегли глубокие тени, пара морщинок, и кожа на скулах будто натянулась. Она улыбалась, но, несмотря на это, мне показалось что она состарилась лет на десять.

«Она ведь почти не спала, может и правда свозить ее к морю?» — подумал я, вспомнив вчерашнюю ночь. Наверное, я выглядел не лучше, глаза немного резало от напряжения, шею больно колола свежая щетина, я почувствовал, что от меня пахнет, и вспомнил про баню.

— А баня...

— Сначала допилим, — старик не дал мне договорить. — Покончи с этим.

Его голос эхом отозвался в моей голове, невольно посмотрев на руки, я вспомнил рыжие потеки на руках и тонкий белый ствол. Жена мотнула головой, соглашаясь с ним.

— Бабушка научит меня прясть. Правда?

— Конечно, моя хорошая, — старуха погладила ее по голове. — Конечно, моя красавица, все, что ты захочешь.

— Я поперхнулся куском.

Голос. Голос этой старухи, такой скрипучий вчера, сегодня лился как ручей, мягкий и мелодичный. Я вспомнил ночное пение, с интересом посмотрел на жену. Она ласкалась к постороннему человеку как кошка, липла к ней, за-

глядывала в глаза, подкладывала куски еды. Я сморщился, представив, что вот также она будет вести себя и на море. Вольется в кучку малознакомых людей, проникнется их духом и идеями и станет таскать меня на всякие мероприятия, даже не спрашивая моего мнения. Сейчас это в моде, вот так отодвинуть мужа и стать кем-то другим.

На подоконник запрыгнул черный кот, медленно прошел, подергивая тонким хвостом. Он остановился как раз между стариком и старухой и сел, уставившись на меня. Как по команде они оба подняли глаза и посмотрели на меня. Время замерло. Пар от яичницы остановился и повис, не растворяясь в воздухе. Муха, бившаяся в окно, застыла на полпути. Мы смотрели друг на друга, и я не мог дышать. Легкие перехватило, недостаток кислорода ударил в голову, я не мог пошевелиться, только судорожно пытался сделать вдох. Кот отвернулся, и я с шумом втянул в себя воздух. В глазах потемнело, я закашлялся, хватаясь за горло.

— Ну что же ты так, — жена наконец-то обратила на меня внимание и похлопала по спине. Застрявший кусок выпал на стол, я вытер рот тыльной стороной ладони. После завтрака старик Пахомыч также молча оделся и ждал меня на пороге. Я следовал за ним, но тихое недовольство нарастало внутри как снежный ком. Краем глаза я видел, что черный кот запрыгнул на столбик от забора и следил за мной.

Мы провозились с деревом почти до вечера, пришлось рубить ветки и стаскивать их к старому развалившемуся мага-

зину. Там под навесом они спокойно высохнут и пойдут на растопку. Я не чувствовал рук от усталости, тропинка, которую мы освободили спускалась к реке, а на берегу стояла серая маленькая баня, у стены которой была сложена поленница сухих дров. В речку врезались старенькие деревянные мостки. Я несколько раз топнул ногой, проверяя надежность конструкции. С двумя ведрами тут не развернуться. Пришлось встать на колени, чтобы зачерпнуть воды, а потом идти за вторым к берегу. Вода в реке была прозрачной, хоть и с коричневым оттенком. У самого дна ютилась стайка рыб, поблескивая стальными спинами. Они не испугались ни меня, ни того, что я полез к ним с ведром. Я ходил три раза от бани к реке, шумно загребал воду, а рыбы так и плавали медленно у самого дна. Пахомыч присел на самый край мостков, поджимая ноги, чтобы не замочить обувь. Рыбы будто ждали его появления, тут же подплыли к самой поверхности и стали толкаться, создавая волнение на поверхности. Старик вытащил из-за пазухи большой кусок мяса, часть свиной ноги с кожей, он медленно опустил ее в воду. Река забурлила. Рыбы накинулись на предложенную еду.

— Это что? Пираньи? — ухмыльнулся я.

— Русалки. — Коротко ответил старик. — Голодные просто.

Его шутка мне не очень понравилась, но я наклонился над водой и присмотрелся. Рыбы и правда были необычные, огромные зубастые рты, выпученные зеленые глаза, крупные

жабры и большой спинной плавник. Они не были плоскими, скорее цилиндрическими, похожими на сигары. А еще у них не было чешуи, она не блестела, скорее отливала матовостью белой кожи. Старик встал и ушел в баню, бросив обглоданную кость в середину реки. Вскоре легкий дымок потянулся из трубы.

Солнце клонилось к закату. Вот и вторую ночь нам придется провести в этом странном месте, ночевать в чужом доме с людьми, которые мне не нравились.

Я проснулся посреди ночи. Жена стояла у окна в чужой длинной ночной сорочке. Волосы распущены. В лунном свете они отливали сединой. Она тихонько напевала вчерашнюю мелодию и гладила черного кота.

— Лена? — позвал я.

— Луна и сегодня полная. — Сказала она, не поворачивая головы. — Странно. Она не должна быть полной.

— Ты устала. Ложись.

— Ты слышишь пение? — спросила она, не поворачивая головы. — Там у реки кто-то поет. Аня рассказала мне интересную историю, про местных русалок. Ты знал, что только женщины могли стать русалками? Говорят, местная ведьма выбирала из девушек, самую красивую, и в ночь на поющую луну она расчесывала ей волосы особым гребнем. Потом всем селом ее провожали на реку и отдавали в дар русалкам. Если девушка им нравилась, она становилась одной из них, если нет, то ее съедали рыбы в реке. Местные русалки

защищали деревню от пожаров и неурожая, поэтому и речку называли Водяниха.

Ее голос звучал отстраненно. Будто она разговаривала не со мной вовсе, а скорее с котом.

Лена открыла окно и холодный, сырой воздух наполнил комнату.

— Слышишь? — повторила она и отпустила кота.

Черный кот прыгнул с подоконника на улицу и мяукнул, будто подзывая ее к себе. Лена села на подоконник и перекинула босые ноги на улицу. Кот запрыгал через высокую траву к реке, жена подняла подол сорочки и побежала за ним. Я вскочил с кровати и хотел схватить ее, но не успел. Натягивая по дороге штаны, без кроссовок я побежал за ней вкруговую, через двор. Калитка не открывалась, я дергал ее с такой силой, что сорвал с петель, она упала, больно оцарапав мне лодыжку. Лена уже скрылась за колодцем, ее силуэт в белой сорочке будто специально подсвечивал луч лунного света. Я рванул напрямки, стараясь сократить путь. Ноги путались в высокой траве, холод пронизывал до костей, но я бежал. Где-то там моя жена, которую я не хотел потерять из виду. Я добежал до колодца. Она сидела на мостках и болтала ногами по холодной воде. Я слышал, как она разговаривала с кем-то и ей отвечали. Отвечали? Увидев меня, она оглянулась и просто соскользнула в воду.

— Стой, стой, остановись. — Я кричал так, что закладывало уши, но она не слышала меня. Моя жена все глубже и

глубже заходила в воду. Река бурлила, водовороты кружили там и тут, затягивая вглубь тину, оторвавшуюся от берега. Она меня не слышала. Обернулась лишь раз, посмотрев на меня огромными зелеными глазами, улыбнулась и скрылась под коричневыми водами дикой реки...

Я рванулся к мосткам, но неожиданно мне преградила дорогу старуха. Старуха ли? Сейчас она выглядела лет на сорок, не больше — высокая, статная, тонкая сорочка обтягивала округлые формы.

— Пстой. — Она положила руку мне на грудь, и я замер. Точно так же, как тогда, за завтраком. Я мог шевелить только глазами, горло распирало от застрявшего вдоха. Черный кот из ниоткуда прошел по мосткам и сел. Мне все больше не хватало воздуха, я старался поднять руку, старался крикнуть, оттолкнуть эту женщину со своего пути. Там, где дед кормил непонятных рыб, моя жена спрыгнула с мостков прямо в ледяную воду. Я упал, я потерял сознание.

Я очнулся и резко вдохнул, огляделся. В комнате, где мы спали эти два дня, было еще темно, но скоро поздний осенний рассвет разгонит остатки непонятного сна. Я на кровати, моя жена лежит рядом. Она тихо посапывает и улыбается. Я тронул ее плечо, она недовольно поежилась.

— Сейчас встану. — Сквозь сон обычным голосом прошептала она.

Я обнял ее, теплую, родную, живую. Зарылся носом в ее влажные волосы. Влажные... Я резко сел. Горло болело

от вчерашнего застрявшего вдоха, ощупал его рукой. Я не сплю, оно болит! А ещё сильно ссадит широкая царапина на лодыжке.

— Простудился вчера? — жена повернулась и положила руку на мой лоб. — Температура. Вроде небольшая. Не вставай, я принесу тебе горячего чая.

Она спустила ноги с кровати, накинула на плечи шаль и пошла босыми ногами на кухню. Я слышал, как она разговаривает со старухой, как растапливает печь, как наливает ковшом в чайник воды. Я откинулся на подушки, может, и правда простыл, но было что-то настораживающее во всем этом спокойствии, с которым жена хозяйничала тут. Она больше не требовала и не капризничала, как раньше. Она тут ЖИЛА. Просто. Будто это там, в городе мы были в гостях... А тут... Входная дверь хлопнула, и жена принесла мне горячую кружку в постель.

— А где старуха. — Спросил я, не глядя на нее.

— Ты про Аню? — жена усмехнулась и присела на край кровати. — Точно заболел. Она к соседке ушла, то ли день рождения, то ли еще какой праздник тут сегодня будет, я точно не поняла. Нас пригласили вечером, так что выздоравливай.

Чай отдавал горечью непонятных трав, разливался теплом внутри, снимая боль. Я еще не допил кружку, как уже начал зевать. Стоит отоспаться, а завтра я отсюда уйду, пешком. И ее заберу...

Сон был глубоким, черным и плотным, будто меня накрыло толщей воды. Никакие звуки не долетали до меня, ничто не тревожило. Я проснулся только вечером, отлежал бок. На руке красным полукругом отпечаталось ухо. Захотелось в туалет. Я завернулся в одеяло и вышел во двор. Жена стояла спиной и болтала с Пахомычем, он чинил калитку, постукивая молотком по старым петлям. Я поздоровался и пробежал в сортир.

Когда я вернулся, она уже крутилась пред зеркалом в новом платье посреди кухни.

— Смотри какое. — Восхищенно воскликнула она, разглядывая себя, и подпрыгнула на месте.

Платье было синее, в пол, как раз по ее фигуре. С круглым вырезом и вышивкой по краю подола. Оно выглядело как что-то знакомое, будто с картинки из старой сказки. Жена подхватила косу, свернула ее в тугой клубок и заколола бабкиным гребнем.

— Давай собирайся скорее, нас уже ждут. — Выдала она не оборачиваясь.

Я натянул футболку, пропахшую потом, в рыжих ржавых пятнах от пилы, джинсы с вытянутыми коленками и дорожную флисовую куртку. Жена накинула шаль на плечи и выскочила на улицу, она бежала впереди меня, будто знала дорогу. Сумерки спускались быстро, роняя длинные тени на все вокруг. Мир поделился на контрасты. Она — нарядная, легкая, пахнущая осенними травами. И я — измученный, уставший,

брошенный под забором пес.

Она добежала до дома, где все окна были залиты желтым светом свечей. Внутри смеялись женщины. Они сновали яркими пятнами в окнах. Извечная женская суета. Я помялся на пороге, отряхнул зачем-то джинсы и вошел.

Женщины замерли, рассматривая меня. Их было пятеро: трое стояли возле моей жены, расхваливая ее наряд и прическу, еще двое сидели за столом. Стол был накрыт как на праздник — сытно, жирно, по-деревенски богато. Меня толкнули и двое парней, похожие друг на друга, ввалились в комнату. Они отвесили похабную шутку, попытались ухватить женщин за талии, те прыснули смехом и разбежались по комнатам.

Я остановился возле жены.

— Я думал, тут нет молодежи. — Прошептал я, осматривая странное сборище. — Это что, костюмированная вечеринка?

— С чего ты взял?

— Странно они одеты...

— Это ты странно одет. — Жена окинула меня взглядом и ушла в комнаты, оттуда снова послышался смех и женские визги.

Удивительно, но я не обратил внимания, какой старой стала моя жена, может, от света свечей, может, мы оба вымотались за эти дни, но она выглядела лет на пятьдесят, не меньше. В русых волосах все больше седины, глаза впали,

и глубокие морщины прорезались на некогда ровном лице. Я вспомнил старуху с ее морщинами в наш первый день, тогда мне тоже показалось, что она старше, чем я видел ее вчера. Возможно, я ошибся, но моя жена показалась мне сейчас омерзительной. Странная мысль развестись с ней промелькнула и исчезла. Нет, я не хотел отпускать ее просто так.

Я так и не понял, что отмечали. Все пили и ели досыта, танцевали под гармошку Пахомыча и пели старинные песни, которых я не знал. Странно, всю свою молодость ходил в походы, выискивая старину, лазил по заброшенным зданиям, сидел на форумах с такими же, как я, а старина она вот тут, только заблудись... я достал телефон. Почти двенадцать ночи, надо бы лечь пораньше, завтра пойдем домой. Только я хотел позвать жену. Она вскочила.

— Идем к реке.

Все начали шуметь, толкать меня, оттесняя к стене. Они вышли гурьбой, как старые приятели, даже Пахомыч с гармошкой и то был ближе к моей жене сейчас, чем я. Меня это злило, сильно. Я завязал потуже кроссовки. Заберу ее прямо сейчас, никакой реки ночью, завтра прямо на рассвете пойдем в город. Дорога тут есть, может, в соседнем поселении люди адекватнее. Достал этот странный праздник. Когда я вышел, они почти добежали до реки. Первыми прыгнули в воду парни, они нырнули прямо с головой, вынырнули, проплыли чуть от берега и замахали руками остальным. Девушки спускались с визгами, задирая юбки своих платьев, одна

за одной они спускались в реку.

— Лена. — Закричал я со злостью.

Она обернулась, но кто-то ее толкнул. Взмахнув руками в воздухе, она упала в воду. Я задумался на несколько секунд, а потом побежал, вспомнил вчерашнюю женщину и черного кота, огляделся, их рядом не было, я прибавил шаг. На мостках чуть не поскользнулся, снова притормозил в нерешительности. То, что я увидел, я не смог бы описать никогда. Семь голов торчало над водой. Абсолютно одинаковые, без волос круглые рыбы головы размером с человеческую. Огромные выпученные зеленые глаза на пол лица, огромные рты от уха до уха с острыми, как у акул, зубами и три ряда крупных жаберных пластин на шее. Они смотрели на меня в лунном свете и не моргали. За моей спиной затаили печальную мелодию, похожую на колыбельную. Я высматривал жену и не видел ее.

— Лена. — кричал я.

Одно из этих существ махнуло мне рукой и закричало.

— Прыгай к нам, она здесь.

Из-под воды вынырнула Лена. Она будто очнулась и не понимала, где она находится. Она била руками по воде, стараясь приблизиться ко мне, а существа ныряли и выныривали вокруг нее, преграждая путь. Я протянул руку.

— Саша... — задыхаясь и захлебываясь водой, выдавила она. — Саш... ша...

Она ухватила меня за руку, я потянул что есть сил, суще-

ства тут же схватили ее и потянули на себя. Некоторые из них смеялись, некоторые кричали как на трибунах: «Давай!» я схватился за перилла и тянул на себя что есть сил.

— А-А-А. — Лена кричала от боли. Я чувствовал, как ее рука вырывается из суставов, но я не мог отпустить ее, я не мог отпустить свою жену.

— Отпусти меня. — Вдруг закричала она и ушла под воду.

Я поскользнулся и упал на мостки. Одной рукой я все еще держался за перилла, другой я держал ее. И вдруг я вытащил. Я вытащил руку. Руку, что принадлежала моей жене. Выше локтя кость была перекушена, куски мяса свисали красными тряпками, а кровь капала на прозрачную поверхность воды. Я уставился на то, что было в моей руке. Мир потемнел.

Я очнулся от укачивающего монотонного движения. Я сидел в машине на заднем сиденье. На мне какая-то униформа. Я посмотрел на руки, они были в наручниках. Я потрянул головой. Что-то не так. Начало тошнить. Я пнул в сиденье впереди и зажал рот руками. Пара ментов обернулась и притормозила.

— Э, придурок... — один выдернул меня за шкурку из машины и поставил на колени. — Уделаешь мне машину, закопаю на месте.

— Где мы? — я старался дышать, но грудь болела. Я ударил себя кулаками, заставляя легкие работать, немного помогло, и я вдохнул глубже. Тошнота отступала. — Лена...

Моя жена... Там...

Голос снова перехватило. Меня ударили по затылку.

— Смотри. Маньяк заговорил. — Водитель обратился ко второму. Его большая лысая голова с крупными чертами лица напоминала мне тех... из реки... — А чего на допросах молчал? А сейчас уже поздно. На место преступления едем, там на камеру все и расскажешь.

— Что расскажу? — выдавил я, представляя, как буду объяснять, кто перекусил руку моей жены.

— Как жену убивал. — Тяжелый берц прилетел мне в бок. — И где тело ее.

— Я не убивал. — Я сплюнул кровавую слюну.

— Следачке это Расскажи. Она тебя как раз на месте поджидает.

Меня снова запихнули в машину. Я лег на сиденье, пытаюсь унять головную боль и тошноту. Тело нестерпимо болело, желудок крутило от голода, от меня пахло так, что самому хотелось зажать нос. Машину трясло по ухабистой дороге, она несчастно билась дном о выпирающие кочки, мы поворачивали бесконечное количество раз, пока не остановились на поляне.

Меня вывели из машины под руки. На полянке, листая документы, стояла женщина лет сорока. Ее черные с проседью волосы были собраны в пучок. Брючный костюм обтягивал еще соблазнительные формы. Она посмотрела на меня голубыми глазами и прищурилась.

— Николаев Александр Петрович?

Я утвердительно кивнул. В голове звенели колокола. В лицо дул прохладный ветерок, и я переступил с ноги на ногу. Местность казалась знакомой. Но что-то было не так. Прямо перед следачкой покрытая бурыми пятнами земля, чуть левее — притоптанная тропинка. В голове всплыл знакомый звук. Вжик. Вжик. Я посмотрел на свои руки, рыжие пятна от ржавчины въелись в кожу или это была кровь? Тропинка вела вниз к колодцу и старой бане. Ночь вернулась. Я отступил, вспоминая головы, торчащие из воды, и руку жены с висящими кусками мяса. На тропинку вышел черный кот. Я задохнулся, упал на колени, пытаюсь схватить ртом воздух. Не получалось. Дикий спазм не давал дышать.

— Что такое? — тихо спросила она. — Совесть мучает?

Она наклонилась ко мне, стоящему на коленях, и в ее глазах сверкнули красные искры. От заходящего солнца или от красной травы, но я испугался. Попятился от нее ползком. Меня остановил лысый и поднял на ноги.

— Рассказывай, придурок, — резко закричал он.

— Я не знаю... Это не я... это не я...

Я осмотрелся по сторонам: тот же глухой лес, свежий пенек от поваленного дерева, тропинка к колодцу, но деревни не было. Ни пяти домов, ни старого здания с надписью «магазин». Несколько обугленных каркасов больших печей, да сизая полынь на старом пожарище. Внизу одиноко стояла серая потрепанная банька, свежерасколотые дрова сложены

в пленницу у ее стены. Один из сотрудников как раз выудил оттуда старую двуручную пилу с бурыми пятнами на полотне.

Я замотал головой. Из-за бани вышел Похомыч.

— Он, — закричал я. — Вот он знает, что тут было.

Старик посмотрел на меня.

— Как есть я все рассказал. — Дед подал следачке паспорт. — Вышел он к моему двору с глазами бешеными. Говорит, жену русалки съели... Как есть псих.

— Ты... Ты же сам... Ты сам их тут... — я заикался, никак не давалось слово «кормил». Мозг пытался остановить меня. Нет тела, нет дела. Они еще не нашли ее, значит обвинять не могут. Кот запрыгнул на столбик от старого забора и уставился на реку.

— Продолжайте. — Следачка остановила меня жестом, а потом отвернулась к Пахомычу.

— Ну а чего. Я тут рыбачить хожу. Рыбалка тут хорошая, редко всякие новенькие приезжают. Тихо тут в Омуте. Так вот, иду я, значит, поутру, а он навстречу и рука человеческая у него... ну я его по голове и жажнул с перепугу.

Я потрогал затылок.

— Так, где тело? — следачка перевела на меня взгляд. Сейчас, когда свет падал вот так наискосок, стали видны ее морщины. И я вспомнил женщину, что остановила меня у мостков. И голос этот, ужасно похож на тот, что пел, когда старуха расчесывала волосы моей жене. — В реке?

— Ведьма... ведьма... ведьма! — Я закричал и побежал. Меня догнали, повалили на землю, между лопаток встало чье-то колено.

— Ну я же говорю, придурок!

Прямо передо мной среди заляпанный кровью травы блестел стальной гребень с разноцветными камушками. Я попытался схватить его ртом. Меня оттащили и приложили по голове.

Голова гудела. Кажется, из открытого рта текла слюна. Я поднял голову. Прямо передо мной сидел старик Пахомыч в белом халате с биркой доктора на груди. «Кондратов И. П.» — прочитал я и попытался пошевелиться. Тело было ватным и почти не моим.

Он щелкнул ручкой пару раз и посмотрел на меня пристально. Кривая ухмылка расплзлась по его лицу.

— Ну как ты? Узнаешь меня? — он перевалился через стол и прошептал — Ну что? Кому еще расскажешь, как я русалок кормил в Тихом Омуте?

Я засмеялся... дико... истерично. Он вынул из кармана гребень и покрутил перед моим носом.

— Пойду хозяйке верну, небось пригодится еще. Вдруг еще кто соберется по руинам полазить. А за жену спасибо тебе. По нраву пришлась рыбкам моим...

В коридоре стояла следачка.

— Как он?

— Хорошо. Ничего не соображает.

Он подал гребень старухе. Женщина воткнула его в пучок на голове и пошла в холл. Пахомыч последовал за ней. Два санитары вывели меня под руки. Они были похожи друг на друга как близнецы. Лысые головы, большие глаза и крупные рты — довольно уродливое зрелище. В холле стоял большой аквариум. Пахомыч подошел к нему и насыпал корм. Большие сигаровидные рыбы всплыли как по команде. Следачка уходя напевала протяжную, похожую на колыбельную мелодию.

Елена Твист

Псарь

Твой страх имеет зубы.

Однажды он выберется наружу и посмотрит тебе в глаза.

Это может случиться когда угодно и где угодно. Возможно, в очереди у кассы. Сегодня.

1

Весна ещё толком не родилась. Рассвет — не рассвет, а жалкая агония неба.

Туман. Он жив. Он везде. По асфальту — чуткими щупальцами, душным паром — в лёгкие.

Улицы безмолвны.

Пусты.

Редкие машины чиркают по проспекту, как отсыревшие спички по смятому коробку. Город притворяется мёртвым. Как человек, измученный ночным кошмаром. Не спавший ни секунды, он уже чувствует неотвратимый звонок будильника. Он чувствует эту проклятую неотвратимость всей кожей и притворяется спящим.

Высокая фигура в чёрной джинсовке размазана по влажной дымке грязным силуэтом. Истошно галдят воробьи —

их покой разорван чужим присутствием на мелкие, панические клочки. Кислотно-кровавого цвета пятно — мишень на спине. Мутное, при приближении обретает резкость: оскаленная собачья пасть, начёрканная на ткани аляповатыми, небрежными мазками.

Парень. Двадцать три — двадцать пять. Высокий, сутулый, будто всю жизнь готовился к удару. Стоит у тополиного пня — обрубка того, что когда-то было большим и сильным. Неудобное кому-то дерево не сдалось — рюкзак безжалостно втиснут меж наглыми молодыми прутьями. Звук влажный, чавкающий — словно зубы, намалёванные на куртке, медленно жуют что-то податливое.

Потроха.

Шмяк.

Шмяк.

Они падают отвратительно, буднично. В глазах парня — не жестокость. Там. На дне. Дрессированный ужас, который уже выучил все команды, но всё равно гадит в коридоре.

Всё продумано. Всё по плану.

Парень выпрямляется, оглядывается.

И тут его мир схлопывается до ноля.

Пёс.

Вытек — вылился — соткался из тумана — склеился из клочков пространства. В паре шагов. Близко. Слишком близко. Лобастый. Овчароподобный. Лапы длинные. Груд-

ная клетка вздымается. Пар из пасти. Густой.

Влад замирает.

Внутри — спазм и маленький мальчик пяти лет на асфальте. И этот мальчик сейчас кричит. Кричит так, как умеют кричать только дети. Чёрная туша нависает. Давит. Тёмные крапинки на слюнявых дёснах. Лай — не звук, воючая волна, бьёт в барабанные перепонки, вышибает волю. И визгливый голос: «Она просто играет!» — тонет в рычании.

— Г-гад! — выдыхает Влад фальцетом. — Иди! Пшёл! Пёс не двигается.

Смотрит.

В его взгляде нет ни злобы, ни страха. Там только спокойствие. Спокойствие палача, знающего, что у него есть вечность.

— Тогда жри! — мысленно орёт Влад, боясь даже сглотнуть, чтобы звук не спровоцировал зверя. — Давай! Ну!

Пёс пятится. Не отрывает от него взгляда. Беззвучно, плавно.

А Влад... Влад видит в его немигающих глазах каждую свою трусливую мысль, каждый свой кошмар и... приговор. Ему кажется, пёс чуткими ноздрями вбирает в себя запах его ужаса.

Без спешки.

С наслаждением.

Долго.

Вдруг, пёс, будто услышав что-то в тумане, разворачивается и исчезает. Сливается с молочной мутью так же внезапно, как и появился.

Влад падает на колени.

Из рюкзака вываливается край чёрного пакета — язык тёмной, поганой тайны.

— Я н-н-не... — шепчет Влад в траву. — Я н-н-не боюсь.

Воробьи горланят, но город всё ещё «мёртв».

Лжец.

2

Яркий, почти вызывающе жизнерадостный рюкзак валяется на траве под деревом. На кармане — круглые разноцветные значки. К лямке привязана рыжая лохматая лисичка в остроконечной шляпе, по-ведьмински лихо сидящая на метле.

Девушка крепит к дереву объявление. Крупно тревожно-красным: «ВНИМАНИЕ! ДОГХАНТЕРЫ! ОТРАВА!»

К ней подходит пёс. Лобастый, длиннолапый, хромой на правую переднюю. Тот же пёс, и он совсем не страшный.

Она улыбается.

— Привет, мой хороший.

Пёс идёт осторожно, словно помнит, что не все руки добры. Корм в ладони — он ест мягко, не касаясь зубами.

— Ну что ты, как бомж? Опять в промзоне ночевал? А дед вчера тебя ждал, — тихо ворчит она, перебирая пальцами спутанную шерсть. — Ишь сколько репья насобирал, гулёна. Всё. Беги в приют. Там тебя дед накормит. А у меня дела. Да-а-а, вот представь себе. Позже приду, поговорим за жизнь.

Девушку зовут Оля. Ей двадцать два. Она любит собак больше, чем людей, и это не фигура речи. Иногда она думает, что собак любить проще. Собаки не предают. Собаки не травят других собак по ночам.

Она уходит, а пёс долго смотрит ей вслед. В его глазах — странная смесь благодарности и вековой усталости.

3

Всё изменилось в старшей школе, когда появился Кэш.

Он не был героем от слова совсем, Владу казалось, что Кэш был рождён с дефицитом страха — необъяснимая аномалия. Он двигался сквозь жизнь, как нож сквозь масло. Не рефлексирюя. Не сомневаясь. Не пытался утешать или лечить.

Когда Влад в очередной раз вжимался позвоночником в сетку забора, и стыд вместе с мочой стекал к пяткам, Кэш, с размахом отпнув остервенелую шавку, сказал просто и ци-

нично:

— Они чувят твой страх. Они всегда чувят. Пока ты пахнешь страхом, ты — жертва. Заставь их бояться тебя.

Так Влад обрёл наставника.

Потом оказался в закрытом чате. Сначала просто читал — жадно, с отвращением и болезненным интересом. Потом начал комментировать. Осторожно. Проверая реакцию «своих». Потом — выходить «на дело».

Первый раз, когда он своими руками, трясущимися от омерзения, разбросал отравленное мясо, его вырвало за гаражами. Рвало долго. До изжоги. До слёз. Но Кэш хлопнул его по спине:

— Красава! Ты — мужик.

И впервые за много лет Влад почувствовал что-то, кроме позорного страха.

Почувствовал власть.

Тёмное, злое чувство власти.

Только тот пацан внутри... Он не ушёл.

4

Перекрёсток. Красный глаз светофора горел мутно, воспалённо и чуть подёргивался.

Влад смотрел на другую сторону улицы. А там стояла Она. Рыжая. С лисой на рюкзаке.

Туман шарахался в стороны от её яркости.

Улыбнулась краешком губ.

Влад уставился в землю. Уши запылали.

Снова глянул украдкой. Она показывала жестами: мало машин, пошли.

Он помотал головой и кивнул на светофор: правила же...

Они улыбнулись друг другу. В груди у Влада заболело, заворочалось что-то дурацкое и щекотное.

Визгливый лай взорвался у левой ноги.

Тётка с трясущейся собачонкой в красном комбинезончике.

Мир привычно схлопнулся. Влад уже не слышал ни визга тормозов, ни крика девушки — только этот лай, только грохот зашкаливающего пульса, только голос мальчишки внутри, который орал: «Беги! Беги!»

Он отскочил на проезжую часть.

Машина взвизгнула тормозами в сантиметре. Запах жжёной резины.

— Ну, ты ваще! — гавкнула тётка, на секунду оторвавшись от телефона. — Такую малявку испугался... мужик.

Мужик.

Слово впечаталось, как оплеуха.

Девушка уже стояла рядом с ним.

— Вы в порядке? — спросила мягко. — Вот дура безответственная!

— Я... н-н-не... — выдавил Влад.

— Всё хорошо. Всё хорошо. Дышите. — Она смотрела с искренним участием.

А он смотрел на носки своих пыльных кроссовок.

И ушёл — почти убежал. Так и не поднял глаза.

На красный.

5

Деду восемьдесят два. У него узловатые ревматические пальцы, всё ещё сильные руки и пронзительный взгляд светлых, почти прозрачных глаз. Такие глаза бывают у людей, которые давно уже видят не то, что есть, а то, что было и то, что будет.

Оля вернулась вечером. Дед сидел на крыльце, задумчиво почёсывая псу загривок. Пёс дремал, положив тяжёлую голову на острые колени старика.

— Как твой день?

— Нормально, — Оля вздохнула. — Опять утром объявления клеила. Толку только... Ерунда.

— Не ерунда, коли с умом, — дед нахмурился.

— Дед, тут корень рубить надо. А так...

— Задумала что? Опять на рожон?

— Ну, дед...

— Они с бедными животинками не гуманничают. Им и человека сгубить — раз плюнуть.

— Не переживай. Я просто журналистское расследование веду. Надо интервью взять у одного человека. Это не опасно.

— Всё равно по-своему сделаешь... Вся в отца.

— Дед... — Оля положила голову на плечо старика.

— Ладно. Расскажи-ка мне о парне своём.

— Деда! Какой парень? С чего ты взял?

— Не юли, ты ж меня знаешь. Я всё вижу.

— Ох, дед... От тебя не скрыть ничего. — Оля улыбнулась. — Симпатичный. Глаза печальные. И заикается немного, когда волнуется. Это так мило. — Она потрепала пса за ухом и глянула на деда. — Мы сегодня на перекрёстке встретились, даже не поговорили. И сразу — мой?

— Ну-ну, поглядим...

Дед долго ещё сидел на крыльце, глядя куда-то поверх деревьев, что неспешно раскачивались на другой стороне реки в свете заходящего солнца.

— Эх, стар я стал... Что же нам делать, пёс? Как помочь? Чую, время моё подходит. — прошептал он, перебирая густую шерсть.

Пёс не шевельнулся. Только прикрыл глаза.

6

У фонтана пахло брызгами и грушевым цветом.

Влад ждал Кэша. — *Что, кроме парка других мест для*

встреч нет? В это время здесь собак больше, чем голубей.
— Он окинул взглядом ближние газоны. — *Ну, вот...*

Недалеко от детской площадки девчонка лет десяти присела на корточки. Смотрела, как её щенок — рыжий, ушастый, похожий на коротколапую плюшевую игрушку — обнюхивает траву.

Влад опасно глянул на щенка. А тот как раз в это время замер. Влад брезгливо отвернулся.

— А ну-ка, прекрати! — ударило из-за спины. Со стороны лавочек возмущённо шагала бабуля, тыча пальцем в сторону щенка. — Уже посреди парка гадят! Вы что, совсем совесть потеряли? И намордника нет!

— Я как раз хотела... — девочка достала из кармана пакет.

Из аллеи стремительно появилась женщина в ярко-малиновом свитере с надписью «Мама мопсов». Влад чертыхнулся, увидев ещё одну псину, прижатую к малиновому бюсту — плоскомордое сопящее существо с глазами-блюдцами.

— Он же мелкий. Намордник ему не нужен. — женщина улыбнулась девочке. — Какой милый! Как зовут карапуза?

— Коржик, — почти прошептала девочка.

— Она пакет достала, только когда я подошла! Её Коржик тут нагадит в песок своими глистами, а там дети!

Зоотётя всем телом развернулась к бабуле и сверху вниз отчеканила, — Во-первых, собак глистогонят раз в три месяца. Во-вторых, в песочнице мы с собаками не гуляем. В-третьих...

Влад с надеждой посмотрел на вход в парк. Кэша не было.

Меж тем, перепалка набрала обороты мгновенно, и градус конфликта уже зашкаливал. Крики, лай мопса, визг — всё смешалось в невыносимый гвалт, но Влад уже не слушал. Весь этот сумасшедший птичий базар стал для него фоном.

В паре шагов от свары в траве сидели дети — малыши лет четырёх — мальчишка с девчонкой и тот мелкий щенок. Будто в каком-то защитном прозрачном пузыре. Это был их маленький мир. Пока взрослые хлестали друг друга словами, малыши гладили и щекотали довольного Коржика. Тот радостно вилял хвостом и тыкался носом в детские ладони. Влад смотрел на это со смешанным чувством брезгливости, настороженности и... неожиданной зависти.

Коржик громко тявкнул от счастья. Его хозяйка очнулась, собрала кучку и пошла к выходу. Щенок забавно вилял задом, стараясь не отстать.

Влад проводил их взглядом. Когда они проходили мимо фонтана, на секунду вокруг щенка образовалось странное свечение — тёплое, золотистое, как от лампочки в детском ночнике.

Влад моргнул, и свечение пропало.

Брызги...

Кэш опаздывал.

Девчонка со щенком уже давно ушла, а склока никак не заканчивалась.

— А вы на чьей стороне?

Влад обернулся.

Рядом стояла она. Та девушка с перекрёстка. Та, которую после того позорища он тщетно старался выкинуть из головы.

— П-п-привет, — Он почувствовал, как снова запылали уши. — Я т-т-тут случайно. Д-друга жду.

Она улыбнулась.

— Случайно ждёте друга? Забавно. Меня Олей зовут.

— В-влад.

Она щебетала быстро, увлечённо, перескакивая с темы на тему: собак — обожаю — дед вольеры новые пристраивает — много потеряшек...

Влад кивал, вставлял скомканные фразы, и с каждым её взглядом внутри него что-то неумело ворочалось, пыталось привычно устроиться, но по-старому уже было не удобно.

— А из-за чего сыр бор?

— Щенок. М-мелкий такой, рыжий

— Корги?

— Я н-не р-разбираюсь. Девчонка н-не убрала за ним, н-

ну, вот и..

— А, так это же Иринка с Коржиком. Но она всегда убивает. Зайду ка я к ним. Наверняка она переживает. Побегу. Пока!

— П-пока...

Влад так и стоял с растерянной полуулыбкой, глядя, как Оля спешит к выходу из парка. Лиса неслась на метле, пританцовывая в такт её лёгким шагам, и внутри Влада — чуть выше солнечного сплетения — тоже что-то неумело приплясывало.

— Познакомишь, Пёс?

Влад вздрогнул и затолкал телефон в карман, будто Кэш мог подсмотреть Олин номер.

— Чё за краля?

— П-просто знакомая.

— Держи. — Кэш сунул ему влажный, тяжёлый пакет. — Жених. Ладно, не кипятись. Ишь, вскинулся. Я половину себе оставил. Сам здесь пройдуся, — Кэш хозяйским взглядом окинул парк. — Мои VIP-угодья.

Рюкзак тяжело холодил спину, а нос улавливал убийственный букет запахов: романтический сладкий грушевый цвет, брызги на раскалённой брусчатке и потроха.

Жуткий коктейль.

Жизнь Влада разделилась.

Не на «до» и «после». Нет, это было бы слишком просто.

На три части. На три дороги с немыслимыми развязками и узлами: Кэш, Оля и Пёс.

Первая: Кэш.

Пакеты с отравой — старая дорога, изъезженная тысячу раз. Каждая выбоина знакома, каждый поворот предсказуем. Она ведёт в никуда, но Влад знает этот путь лучше собственной ладони.

Вторая: Оля.

Оля... Новая дорога, пахла грушевым цветом и петляла то в облаках, то по берегу тёплого моря, то по солнечным лесным полянам. Влад не знал и не загадывал, что будет дальше.

Третья: Пёс.

Путь в лабиринте, где нельзя предугадать ничего, кроме конечного результата. Все его коридоры ведут в центр, в ловушку, и нет способа выбраться, а по следу идёт и гонит вперёд страх.

Пёс настигал Влада везде, появляясь ниоткуда.

Первый раз днём Влад заметил его на площади возле университета. Пёс был далеко — на другой стороне, у киоска с шаурмой, но Влад сразу его узнал. Конечно, среди бела дня эта

пси́на не выглядела́ прям у́жасной — просто́ обы́чная бездомная́ соба́ка — худа́я, неухо́женная, с тускло́й шерстью́.

У́жасно́ было́ друго́е: Пёс узна́л Вла́да.

Он потяну́лся и неспе́шно двину́лся че́рез пло́щадь ему́ — Вла́ду! — на́встре́чу.

При́шлось бы́стро шмы́гнуть о́братно в ко́рпус. Когда́ он гляну́л с че́твёртого́ эта́жа на вхо́д, наде́жда на сча́сливый слу́чай уле́тучила́сь. Пёс си́дел там. У́ двери. Ка́кие-то две ду́ры пыта́лись на́корми́ть его́ бу́лкой.

Вла́д опозда́л то́гда на встре́чу с Олей, по́тому что при́шлось та́щиться че́рез всё зда́ние, что́бы вы́йти че́рез друго́й — да́льний — вхо́д.

На сле́дующий де́нь это́ не про́катило́. И на сле́дующий — то́же.

На че́твёртый де́нь Вла́д обо́гну́л хо́зко́рпус, про́лез че́рез ды́ру в за́боре у́ котельно́й. Его́ ма́ршру́т напо́минал трае́кторию́ испуга́нного та́ракана. Он са́м се́бе ка́зался жа́лким.

Пёс жда́л его́ у а́рки че́рез два ква́ртала.

Не мо́г он ока́заться там. Не мо́г! Вла́д шёл двора́ми, петля́л, меня́л на́правление, а Пёс у́же си́дел там, бу́дто зна́л всё за́ранее. Бу́дто чи́тал его́ мы́сли.

Вла́д ре́зко сверну́л в по́дворотню́, побе́жал, не ра́збира́я доро́ги.

Дома́ спря́тался за ш́торой и до́лго смо́трел во дво́р.
Пу́сто.

Вскоре Влад изучил все проходные дворы и испробовал все возможные маршруты отхода. Ничего не помогало. Пёс всегда точно знал, где ждать. Он смотрел издалека, таскался за Владом по пятам, держал дистанцию, но никогда не терял из виду. Влад теперь слышал его раньше, чем видел.

Цок-цок-цок... нестриженные когти по асфальту. Сначала едва различимо, на границе слуха. Влад останавливался — звук пропадал. Шёл дальше — цоканье возвращалось, как эхо с задержкой в полсекунды.

Однажды ночью он проснулся от того, что звук был в комнате. Медленно, как капли из крана. Влад включил свет. Никого. Звук прекратился. Влад так и просидел почти до рассвета с зажжённой лампой и кухонным ножом в руке.

Телефон зажужжал в три часа ночи. Влад знал: это Кэш. Только Кэш мог звонить в такое время — без «привет», без «как дела», сразу:

— Слышь, Пёс. Ты чё, залёг? Дело срочное. Парк, пять утра. Не проспй.

И гудки.

Влад смотрел на телефон. На экране высветилась и погасла фотография контакта — оскаленная собачья пасть.

— *А кто спал?* — подумал он.

Ночью Пёс не подходил близко, но Влад точно знал, что тот может вынырнуть перед ним из любой подворотни. Чувствовал это затылком, как некоторые чувствуют приближение грозы.

Как-то Влад поймал его отражение.

Стоял на перекрёстке у витрины магазина, ждал зелёный. По стеклу текли струи дождя. И там, в этом водяном зеркале Влад увидел ЕГО. Пёс сидел в нескольких шагах позади.

Влад резко обернулся. Никого.

Снова посмотрел в стекло. Пёс был там — в растекающемся искажённом отражении. Влад зажмурился, досчитал до пяти. Открыл глаза.

Отражение показывало лишь дождь.

Олю он увидел издалека. У фонарного столба, с листком в руке. Рыжая лиса на рюкзаке подмигивала оттуда, из нормальной жизни. Влад хотел окликнуть, сделал шаг, и тут из арки выскользнула тень. Пёс.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Влад попятился и почти побежал к автобусной остановке.

Даже сон больше не был убежищем. Пёс пришёл и туда.

Огромный мир вокруг — большой, летний, безопасный — вдруг наливается запахом псины.

Влад оборачивается. Пёс стоит на парковой дорожке. И он огромен — неестественно, невозможно огромен. Смотрит сверху вниз.

Влад пытается бежать, но ноги — детские, пятилетние — не слушаются. Он падает, раздирает коленку.

Пёс наклоняется. В лицо бьёт влажное, горячее дыхание...

Влад проснулся от собственного крика. В комнате пахло мокрой шерстью. На подушке темнело влажное пятно — как будто кто-то только что убрал с неё морду.

Влад даже рассказал об этом Кэшу. Тот лишь поржал и выдал очередную порцию опостылевших наставлений, обозвав экстрасенсом.

Страх отпускал Влада, лишь когда рядом была Оля. Этот проклятый пёс куда-то пропадал, когда с Владом была она.

Оля стала необходимой.

Он готов был просто шагать рядом с ней, смотреть на неё и слушать, и молчать... Эти моменты были такими светлыми, такими яркими на фоне всего остального.

Влад чувствовал, что он на грани срыва, на границе.

Страх приобрёл конкретные очертания и всегда... всегда теперь был рядом с ним. Даже когда Влад не видел пса, он

точно знал, что тот где-то близко.

Его догонял запах мокрой шерсти, накрывал звук. Дистанция с каждым днём уменьшалась, и Влада не покидало ощущение, что пёс загоняет его.

Загоняет как дичь. Как добычу.

Влад лежал без сна в темноте. В голове цокали когти по асфальту, перед глазами — картинки... Где-то там в ночи Кэш добывает очередную банку пива и думает, что жизнь — дерьмо. Оля спокойно спит, и наверняка не думает о странном заикающемся парне...

А здесь, в темноте, он уже перестал понимать, где заканчивается его страх и начинается он сам.

8

Кэш сидел на скамейке в отдалении от центральной аллеи и застёгивал рюкзак. Дело было сделано. Утренний воздух был прозрачен и холоден. Парк — пуст.

Девчонка в белой курточке появилась со стороны центрального входа. Щенок — рыжий ушастый комок — стал на радостях носиться по парку, выписывая восьмёрки вокруг скамеек и фонарных столбов. Девчонка не могла его дозваться и беспомощно стояла у фонтана.

— *Дрессировщица*, — с презрением подумал Кэш.

Щенок пронёсся мимо него и заинтересованно ткнулся

носом в траву у самого края клумбы.

Кэш знал, что лежит в этой траве.

Он отвернулся. Не из безразличности — просто не любил лишнего шума. А без шума не обошлось: не лай и не скулёж, а какой-то сдавленный вздох, потом короткая возня — царапание лап по земле — и тишина.

Кэш сердито глянул на клумбу.

— *Чёрт... Если девчонка найдёт сейчас свою дурацкую псину, голосить будет на весь парк. Валить надо — пока она не дотопала сюда.*

Подошёл к клумбе. Щенок лежал на боку. Кэш накинул на нелепо скрюченное тельце пакет, сунул в рюкзак и торопливо пошёл к выходу из парка.

У ворот его настиг детский голос — ломкий, ещё не ве-
рящий в потерю — звал щенка по имени. Раз, другой, с нарастающим ужасом.

— Коржик! Коржик!

Кэш прибавил шаг.

9

Кэш вызвонил Влада рано утром.

В переулке сунул в руки пакет. Синий. Скользящий.

— У меня есть ещё, — сонно сказал Влад.

— Заткнись. Это не мясо. Это — улика. Чуть не засыпался сегодня. Не спится этим собачникам... Щеночек один новую партию попробовал. Сдох почти на глазах у девчонки. Пришлось забрать, чтобы она нас не сдала. Короче, вот пакет

с псиной. Зароешь на пустыре. Да не ссы. Он же дохлый.

Весь день Влада ледяными волнами накрывал дикий животный страх.

Пакет лежал под кроватью. Не просто лежал — ждал. Периодически Владу казалось, что пакет тихо шуршит, хотя он отлично знал: Кэш сказал «дохлый», значит — дохлый.

— *Кэш прав. Кэш всегда прав.*

Влад лёг на диван, уставился в потолок. Перед глазами — парк, дети возятся в траве, и этот ушастый комок с розовым языком. Девчонка гладит щенка по животу, а тот извивается и всё норовит лизнуть её в щёку.

Влад сел, и пружины взвизгнули, как раненые.

Странно. Именно эту глупую собаку, эту безмозглую шерстяную бомбу с сопливым носом, ему было чертовски жаль.

— Размазня, — прошептал он в пустоту. — Тряпка.

Он специально произнёс это вслух, чтобы голос Кэша в голове стал громче, но тот предательски молчал. Зато скулил щенок. Тихо. Надрывно. Безнадёжно.

— *За что ему это? Он же никого не кусал. Он даже зубов толком не имел — молочные, наверное.*

Влад посмотрел на кровать. Там под ней, в синем пакете лежал Коржик.

— *Коржик. Смешная кличка. Глупая смерть, — Влад*

вскочил и попытался разозлиться. — *Сам виноват! Нечего жрать с земли!*

Тут же из дальнего угла сознания выползла другая мысль. — *А чего ты от него хочешь? Он же ещё мелкий, глупый лохматый дурачок. Был...*

Влад зашагал по комнате, потом замер, обхватив голову руками.

Тишина. Мысли мельтешили сумасшедшими кругами, и каждый взгляд в сторону кровати запускать новый круг.

Влад еле дождался ночи.

Он медленно, очень медленно достал пакет из-под кровати. Держал его перед собой на вытянутых руках, как бомбу, а пальцы, казалось, ждали, что там, внутри, каким-то чудом вдруг стукнет сердце.

Пакет молчал.

— *Потому что мёртвые не оживают. Даже те, кого ты случайно назвал про себя безобидным Коржиком и теперь не можешь выкинуть из башки. Идиот.*

Влад вышел на улицу. Отвернулся — никого. Но это ещё ничего не значило. Дверь за ним закрылась с таким звуком, будто хлопнула крышка гроба. И плевать, что на дворе май. Вода — всегда холодная, когда ты тонешь.

На пустыре всё было мертво. Небо — мутный тяжёлый колпак, утыканный звёздами. Ветер сползал по гаражам на свалку, облизывал серые кусты, дышал в спину.

Влад один.

Нет, не один — с ним был пакет, синий и скользкий, и он шелестел. На всю округу шелестел так, что сводило челюсти.

Влад вырыл ямку. Земля подавалась легко.

Разжал пальцы и вздрогнул, увидев блик внутри раскрывшегося от падения пакета. Там скомканный, лежал Коржик. Один глаз бликовал от света далёкого фонаря — стеклянно, как у старой куклы. На рыжей морде застыла густая слюна. Это было так буднично и чудовищно одновременно, что Влад судорожно запахнул пакет и спихнул его в яму. Всё время, пока он засыпал его землёй — руками, сдирая кожу о камни — ему мерещился этот мутный застывший глаз.

Сделав аккуратный холмик, Влад вдруг воткнул в него пучок травы с какими-то мелкими цветами, которых полно было вокруг. Потом, чертыхнувшись, выдернул его и хотел было выбросить, но вдруг замер.

Простояв минут пять с запрокинутой к звёздам головой, Влад медленно положил траву рядом с холмиком.

Запах нагнал его на границе пустыря. Запах псины. Тёплый, кисловатый...

Собаки.

Влад застыл. Он знал — бежать нельзя.

Низкий. Утробный. Многоголосый рык.

Он слышал его рёбрами, пока из темноты вытекали силуэты. Медленно. Плавно. Семь пар жёлтых глаз.

Стая.

Круг сужается.

Давит.

Сарай сзади — доски гнилые — не защита — могильная плита.

Вожак — крупный, в колтунах, со рваным ухом — делает шаг вперёд. Пасть приоткрыта. Не рычит. Не дышит.

Влад тоже не дышит. Тело — не его. Позвоночник — ступень, ноги — сваи. Руки не слушаются. Он шарит по карману. Зажигалка. Беспольный кусок пластика скользит, падает в траву.

Звук — затихающие удары сердца.

Один.

Ещё удар.

Последний...

И тут стая замирает.

Разом все семь голов поворачиваются туда — в ночь, в ту сторону, куда не дотягивается свет фонарей.

Влад тоже почуял ЕГО. Услышал. Узнал шаг.

Пёс.

Темнота выталкивает его, и вот он уже идёт сквозь стаю — не спеша, по-стариковски. Собаки расступаются. Шерсть дыбом, хвосты поджаты. Ждут знака вожака, а тот... пятится.

Пёс подходит к Владу. Застывает. Лишь ноздри чутко ловят ветер, раздуваются, вбирая запах пота, страха, запах того, кто уже проиграл. И Влад понимает, вот он — центр лабиринта. Всё случится сейчас. Его разорвут. Не эти семеро. ОН. Эти потом просто растащат кишки по округе.

Пёс вдруг разворачивается.

Устало. Медленно. Мордой к стае.

Вожак кидается на него молча и мощно — без предупреждения, без звука. Они скручиваются в один рычащий комок, в котором невозможно различить, где начинается один пёс и заканчивается другой. Остальные окружают их плотным кольцом. Не вмешиваются. Ждут.

Рычание. Лай. Хруст.

Хруст, который Влад запомнит навсегда.

Дальше — сбой. Влад опомнился уже за пустырём.

Он бежит. Сзади — звуки побоища.

— Чё такой дёрганный? Опять собака приснилась?

— Н-нет, всё нормально. Всё сделал.

— Нормально у него... Чего тогда зыркаешь? Сделал — вот и молодец.

Он помолчал, потом, не глядя на Влада, протянул, — Есть собачий приют на окраине правобережного посёлка. Не пугать ли нам эту свору? Огоньком.

Влад мотнул головой.

— Эт-то п-подсудное дело

— А кто узнает? Давно пора выйти на новый уровень. Хотя... если ты спёлся... Иди держись за мамкину юбку. Да ты послушай! — Сколько бабла ты уже лекарям отдал? И чё — страх твой любая шавка чует.

Кэш резко остановил машину.

— Клин клином выбивают, Пёс! Давай подпалим шёрстку зоогадам. Что, слабо?

— Х-хватит! Не ори! Н-не ори, п-психолог хренов!

Кэш замолчал, машинально поглаживая шрам — белёсый, он тянулся от скулы к углу рта. Взгляд Кэша на пару секунд стал вдруг пустым и усталым.

Владу вдруг пришло в голову, что он и сам когда-нибудь может стать именно таким. Таким, как Кэш. Злым. Безжалостным. Одиноким. С дырой вместо души. И эта мысль показалась ему жутковатой. Он даже мотнул головой, прогоняя её.

— Короче, не хнычь, — Кэш снова был здесь и сейчас. — Сделаем вместе.

— Я н-не могу. Н-не стану. И тебе н-не дам.

— Ну, поглядим, — Кэш зло сверкнул белками в полумраке. — Поглядим. Я ведь сделаю, а девке твоей скажу, что ты придумал. Уж я ей всё выложу. Каждую твою дрожащую ночку.

Внутри Влада всё заметалось.

— Ты н-не посмеешь...

— Да, легко, Пёс. Легко. Вот и решай.

12

Кэш быстро шагнул по бульвару. Вдали снова бахнул гром, и он прибавил шаг, но вдруг резко остановился, протянул руку к листку, наклеенному на фонарный столб: «ВНИМАНИЕ! ДОГХАНТЕРЫ! ОТРАВА!»

— Вот я вас и нашла, — вдруг раздалось за спиной.

Он отдернул руку, обернулся. Перед ним стояла та Влада-ва знакомая из парка.

— Ага... *вот и тёлочка, из-за которой Пёс поплыл,* — Кэш усмехнулся и с животным прищуром оглядел девушку. Медленно. Бесцеремонно.

— Я искала вас. Того, кто срывает мои объявления. У меня к вам дело. Хочу, чтобы вы ответили мне на несколько вопросов. Я корреспондент. Журналист.

Она раскрыла удостоверение на уровне его лица.

Кэш только приподнял бровь и нагло уставился Оле прямо в глаза.

Она не отвела взгляда.

— Я пишу статью о проблеме догхантеров и хочу выслушать мнение обеих сторон.

— Есть проблема? — Кэш не отрывал взгляда.

— Гибнут собаки, значит, проблема точно есть. Вы, судя по всему, явно не из зоозащитников. Поэтому я и хочу поговорить с вами. Узнать почему...

— Почему что? — Кэш придвинулся к Оле.

— Почему вы это делаете? Почему такой радикальный преступный способ? Ведь всегда есть другой путь, выход. Всегда есть...

Кэш перебил её грубо. Придвинулся практически вплотную и не дал отшатнуться, схватив за локоть. Жёстко.

— Меня в детстве одна тварь покусала, — он замолчал, только дышал ей в лицо табаком и чем-то гнилым.

Оля невольно глянула на шрам, рассекающий щёку, и Кэш перехватил этот взгляд. Усмехнулся недобро и криво.

— Видишь? Вот сюда. Отец её из ружья. При мне. БАХ! БАХ! Вот так. Без соплей. С тех пор знаю: либо они тебя, либо ты их. Так что не суйся, красавица.

Не отрывая от Оли цепкого взгляда, он нащупал объявление, сорвал его со столба одним резким движением. Оттолкнул.

нув от себя девушку, демонстративно разорвал бумагу и пустил по ветру обрывки.

— И не посмотрю, что ты...

— Что я что? — В её глазах горело что-то такое, что не сулило Кэшу ничего хорошего.

— Что мой друг за тобой, как телёнок...

— Влад? Твой друг — Влад... Он ведь уже не с тобой, верно? Ты поэтому так зол.

Кэш сплюнул и ушёл не оглядываясь.

Оля стояла, растирая локоть, и смотрела ему вслед, а в мозгу, взбаламученном его последней фразой, оседали клочки мозаики. Разрозненные моменты толкались, наползали и громоздились, складываясь в ужасный, невыносимый коллаж.

Ветер замер. Тишину, казалось, можно было потрогать руками. Гроза была уже совсем рядом.

13

Влад позвонил Оле уже несколько раз. Безрезультатно.

— *Наверное, снова у деда, а телефон в доме.*

Однако какое-то мерзкое предчувствие занозой уже воткнулось под сердце, и весь день он не находил себе места.

Под вечер раздался звонок.

Влад торопливо схватил трубку, но вместо Олиного голоса услышал:

— Чё, Пёс... Назад дороги нет. Пол работы я уже сделал.

Комары из меня всю кровь выпили, пока дед по двору ша-
рашился. Зато сюрприз будет отличный — все его новые во-
льеры и до утра не простоят.

«Новые вольеры», «дед».

Влада будто крутанули на центрифуге. Пока он судорож-
но пытался сделать вдох, перед глазами уже в полный рост
стояла ужасная картина: приют, Оля, пожар.

— Давай, подтягивайся. Сделаем всё вместе. Лады? И рез-
че давай, а то комарё от меня живого места не оставит.

— К-кэш, не н-надо. Не смей! Я прошу тебя...

— Тряпка.

Замерев с телефоном в руке, Влад вдруг перестал видеть
свою комнату. Перед глазами или где-то в мозгу возникла
чёткая картинка — Кэш сунул телефон в карман и со зло-
стью вылил оставшийся бензин. Не только на забор. На стену
вольеров, на сарай, что около дома. Щедро.

Запах бензина ударил в нос так реально, что Влад закаш-
лялся.

Мокрая от росы стена вольера, коробок в руках Кэша, сло-
манная спичка, летящая в траву и Кэш, что с исступлением
чиркает снова и снова. В темноте слышны только эти сухие
штрихи и злое дыхание.

Видение схлынуло, когда сердце Влада зашкалило так, что звон в ушах стал невыносимым.

14

Всю дорогу до окраины Влад не давал таксисту покоя. Гнал.

Машину Кэша он заметил сразу. Она стояла у поворота, уткнувшись капотом в кусты. Из салона тянуло запахом бензина.

Влад мчался к посёлку напрямик через перелесок, когда навстречу ему вывалился Кэш — лицо перекошено, глаза бешеные, сажа на щеке, блестящей от пота.

Влад ударил его с разбегу.

Раз.

Другой.

Он бил не глядя, не целясь — вкладывал в каждый удар всю свою ненависть, весь свой страх, что годами копились внутри, как гной в старой ране.

— Что, Пёс, решил, так грехи спишут? Героем хочешь быть? — хрипел Кэш отбиваясь. — Думаешь, она тебя за это полюбит? Придурок! Она — журналюга! Ей новостной повод важен! А ты — никто! Никто!

Влад, схватил Кэша за грудки и потрянул так, что Кэш перестал вырываться, сплюнул кровь.

— А девка твоя там. Блохастиков своих спасает. Успеешь, может?

Влад бросил его и побежал к зареву — туда, где небо уже полыхало багровым.

— Слабак... — просипел Кэш и, поскользываясь на мокрой траве, побрёл в сторону дороги. — Слабак.

Влад добежал до приюта, и в лицо ему ударили жар и душераздирающий собачий визг. Пламя уже достало небо. Стена вольеров была объята огнём — высоким, жадным. Он уже перекинулся на сарай, стоящий вплотную к жилому домику, и теперь горячие языки ползли по стенам всё выше. Из окон, выбитых жаром, валил густой чёрный дым.

— Оля!

Он перемахнул через забор, не чувствуя, как доски впииваются занозами в ладони. Собаки заливались лаем, метались в клетках, бросались на решётки. Огонь сыпал искрами, дым ел глаза и забивался в горло.

И тут он увидел её.

В разорванной дымящейся куртке — Оля тащила под мышкой рыжую дворнягу, другой рукой тянула лохматого черныша, который упирался всеми лапами и пытался вырваться. Лицо девушки в копоти, в ссадинах, но глаза из-под капюшона — спокойные, чёрные.

— Оля! — Влад шагнул ей навстречу.

Не глядя, она сунула поводок ему в руки, отпустила двор-

няжку и снова полезла в огонь.

— Оля, я...

Она не обернулась, а Влад даже не отразил, что держит на поводке собаку. Он торопливо привязал черныша к соседнему забору и бросился следом. Страха не было. Только огонь, дым и эта девушка.

Навстречу ему с воем пронеслась пара собак. Оля была где-то там, в пылающих вольерах. Он заглядывал в каждый. Услышал жалобный писк, вытянул из клетки забившуюся в угол таксу, швырнул её к выходу.

Ещё вольер, ещё, и ещё...

Олю он нашёл практически на ощупь, в дыму. Она потеряла сознание у дальней клетки, осела на землю. Сверху с прогоревшей кровли, сыпались искры.

Влад подхватил Олю на руки и побежал. Вынес на воздух, опустил на холодную, спасительную траву подальше от жара. Лёгкие горели, перед глазами плыли круги. Сзади загрохотало — ряд вольеров обрушился, подняв сноп искр к самому небу.

Влад упал на колени.

— Оля... Оля... П-пожалуйста.

Она так долго не открывала глаза.

Наконец, — Ты... — шепнула. Глянула в глаза. Отвернулась.

И Влад понял. Кэш ей сказал. Сказал.

Такса, ошалевшая от ужаса и радости, кинулась к девушке и начала яростно, самозабвенно облизывать её лицо, не останавливаясь ни на секунду.

Сирены взвыли совсем близко, и вскоре к Оле подбежал врач, заслонил её собой.

15

Влад, шатаясь, отошёл в тень. Глядя со стороны на всё это кошмарное файер шоу, он вдруг ощутил на себе взгляд — тяжёлый, насквозь.

Огонь ревел, и в этом аду Влад увидел старика. Тот стоял у самого входа в горящий дом. Из клубов дыма у ног его со-
ткнулся Пёс. Картинка смотрелась настолько нереально, что в этот миг всё, кроме этой странной пары, будто покрылось полупрозрачной пеленой. Словно в замедленном видео Влад заворожённо смотрел как Пёс — не призрачный, а какой-то огненно живой — отряхнулся, разбрасывая вокруг себя яркие искры, как Дед что-то прошептал ему, потрепав за ухо, как оба они подняли глаза на него — на Влада.

Пёс двинулся напрямиком. Медленно. Дед проводил его взглядом.

Кровля рухнула.

В тот же момент пелена исчезла, Влад понял, что Пёс приближается к нему довольно быстро и не собирается сворачивать.

Влад оглянулся — хлопнула дверца скорой. Всё. Теперь они с Псом один на один. Спотыкаясь, он побрёл прочь от пожара — в черноту, в тишину, где нет ни собак, ни мечущихся людей — никого.

Влад знал, что обречён. Пёс шёл за ним. Как конвой. Не отставал ни на шаг. Ровное ритмичное дыхание — вдох и выдох, вдох и выдох — отсчёт секунд до казни. Тяжёлый мерный шаг. Невыносимо.

И Влад побежал. Из последних сил. Задыхаясь.

Ветки хлестали по лицу. Боли не было. Упал, поднялся и снова побежал, гонимый ужасом. Пёс — его проклятие — нёсся за ним по пятам.

Берег. Земля под ногами предательски осыпалась. Влад потерял равновесие и кубарем скатился прямо в мутную реку. Сразу ушёл с головой, хлебнул воды, с трудом вынырнул и снова ухнул в глубину, захлёбываясь ледяной водой и собственным ужасом — ноги не находили дна.

Взмах руки над тёмной водной гладью.

Всплески.

Шум крови в ушах.

Собачий рык.

В мозгу ярко и буднично вспыхнуло: лето, запах разогретой солнцем пыли. Мальчик пяти лет в смешной панамке

идёт по парковой дорожке, пиная камушек. Звуки как сквозь слой ваты — голос отца — громкий, откуда-то издалека.

Земля вздрагивает. Лай приближается — сначала далёкий, потом ближе, ближе, ближе.

Резкий всплеск. Брызги в лицо.

Голова Пса из чёрной воды в полуметре. Оскаленная пасть.

Влад почувствовал, как челюсти сомкнулись у него на плече.

И мир погас, разлетевшись в полной тишине на обрывки: пасть, небо, трава, темнота...

16

Влад очнулся в больнице.

Свет резал глаза даже сквозь прикрытые веки. Всё тело — сплошной синяк, в лёгких — резь, будто кто-то наждачной бумагой прошёлся изнутри.

Что произошло в воде? Как он выжил? Кто его вытащил?

Из коридора доносились голоса:

— ... из огня её вынес!

— Настоящий мужик!

— Страх такой — пожар! Чуть пол посёлка не спалили!

Хорошо, человеческих жертв нет.

— Говорят, одной собаки только не досчитались. Сдох пёс

то. Да и то не от пожара. На берегу нашли рядом с парнем. Вытащил его и помер.

— Бедняга...

— Служивый пёс был, да списали, как постарел. Степаныч его к себе и взял. Всё думал нового хозяина ему найти, да кому старый пёс нужен.

— Хорошо хоть сам выжил. И внучка его — в пятнадцатой — тяжёлая, но жива. Бог даст, оклемаются.

Влад открыл глаза.

В коридоре вдруг все засуетились, куда-то побежали.

Он нашёл в себе силы встать. С трудом, держась за стену, пошёл по коридору.

Вот. Здесь. Пятнадцать.

На кровати, опутанная проводами и трубками, забинтованная, лежала Оля. Её лицо было бледным, но грудь подымалась и опускалась.

Жива.

В палате рядом явно что-то происходило. Слышны были голоса, шум, а потом вдруг всё стихло. Вскоре вышли две медсестры, врач:

— Эх...

— Дед уж старый был.

— Каждому — своя судьба...

Мир Влада расслоился.

Он видел и врачей, выходящих из дедовой палаты, и — вдруг — шагающего сквозь них Пса.

— *И здесь ты меня нашёл... Даже с того света притопал.*

Пёс не должен был быть здесь. Но он был.

Рядом с дедом.

Старик и Пёс уже стояли у Олиной кровати, стояли, не касаясь пола. Дед смотрел на внучку с улыбкой, в которой было и прощание, и надежда, и благословение.

Потом он перевёл взгляд на Влада. Ничего не сказал. Только едва заметно кивнул — коротко, по-мужски. Мол, теперь ты. Смотри.

И Влад понял: это — не прощение. Это — долг.

— Больной, зайдите в палату, — услышал он голос медсестры.

— Что? Я... я сейчас. М-минуту. — Влад сглотнул. — *Значит, я пока ещё жив.*

— Только минуту! Да поправится ваша девушка. Всё будет хорошо, — улыбнулась медсестра.

Влад уже и не удивился, когда она прошла сквозь деда, поёжилась.

— Точно всё в порядке? Вы так смотрите, будто... Ладно. Только минуту! Прохладно здесь.

Влад смотрел, как Пёс и дед стоят рядом.

— *Дед стал его хозяином там — за чертой, там, где боль закончилась, —* подумал он. — *Хороший выбор, Пёс. Я — дурак. Не понимал, что ты просто искал друга. Прости.*

Пёс приблизился к Владу — медленно, всё так же не касаясь пола — и ткнулся лбом в его ладонь. И Владу не было страшно. Он неумело перебирал пальцами мягкую невестомую шерсть.

Дедов призрак меж тем, растаял, пряча улыбку в густой бороде.

— Страх не уйдёт, — услышал Влад — или подумал, что услышал. — Страх станет твоим псом.

17

Влад видел издалека, как Оля подошла к дому.

Обгоревшая берёза стояла вся в снегу, как в шубе. Из труб шёл уютный сизый дым.

Он видел как такса, которая рылась в сугробе около поленницы, вдруг замерла, принялась и с радостным визгом кинулась к Оле, вздымая снежную пыль. Кружилась у ног, требовала ласки, требовала подтверждения, что всё это — не сон, что жизнь продолжается.

Во дворе вольеры были новенькими, пахли краской. На одном — табличка: «Здесь жил Пёс». Оля наверняка едва сдерживала слёзы. Влад это точно знал. Он улыбнулся — первый раз за много дней.

— *С ней всё будет в порядке, дед.* — Влад развернулся и не оглядываясь пошёл в сторону дороги. Не знал, что из окна, сквозь прикрытую штору вслед ему задумчиво смотрит Оля.

18

Потроха.

Они плюхнулись в траву отвратительно, буднично.

Рутина.

И тут... знакомый, невыносимый уже звук.

Кэш затравленно обернулся.

Пёс. Вытек — вылился — соткался из тумана — склеился из клочков пространства. В паре шагов. Близко. Ближе, чем раньше. Не касался земли.

— Опять ты...

В глазах Кэша заметались злость и паника.

— Я не сумасшедший! — заорал он. Схватил рюкзак, швырнул его в Пса.

Рюкзак пролетел сквозь мерцающую шерсть, даже не колыхнув её. Шлёпнулся в кусты. И у Кэша сорвало крышу.

Он орал — орал так, что срывал голос, и швырял в Пса всем, что нащупывал на грязной земле. Даже пытался ударить, но кулак лишь рассекал воздух.

Кэш обессилел, упал на колени — прямо в грязь, в потроха.

Пёс, сотканный из тумана, неумолимо смотрел ему в самое нутро, туда, где сейчас коряво корчилось что-то жалкое.

Может быть, остатки души?

— Я н-не... я н-не... — выл Кэш, упираясь лбом в мёрзлую землю.

В ту ночь Влад проснулся в три часа от резкого холода. Призрачный Пёс не лежал, как обычно, у двери. Влад понял — ушёл к Кэшу.

— Шанс, — прошептал Влад. — Как и всем.

Кэша нашли утром. В его глазах не было ни злости, ни мысли.

Там вообще ничего не было.

19

Рюкзак Кэша был сожжён на пустыре рядом с могилой Коржика. Влад стоял и смотрел, как огонь пожирает полиэстер и пластик, как плавится значок с перечёркнутой собакой, как дым поднимается к небу — чёрный, вонючий.

Жизнь его изменилась. Он по привычке внимательно отслеживал чат, держал руку на пульсе, но теперь знал — когда в затылке начинало холодеть, а в воздухе появлялся запах мокрой шерсти — пора идти. Пёс уже ждёт.

Пёс просто знает — без чатов и полицейских сводок — где и когда они должны быть, чтобы дать последний шанс очередному убийце. Шанс сделать выбор, когда в его мозг проникнут эти слова.

Твой страх имеет зубы.

Однажды он выберется наружу и посмотрит тебе в глаза.

Илья Склад

Убийство в безопасной зоне

Эта режущая, электрическая, игровая боль, ворвалась в его сознание, когда что-то горячее и влажное ударило по лицу.

Кровь.

Она заливала глаза, пахла железом, стекала по подбородку на роскошный ковер «Храма Вечного Приюта». Артем моргнул, пытаясь сфокусировать зрение. Рядом, в двух шагах от алтаря, лежало тело. Оно еще дергалось, издавая мокрые, булькающие звуки. Из горла хлестала алая струя, заливая мраморные плиты, превращая священное место в бойню.

— Защита... аура безопасности... — прохрипел Артем, отползая назад.

Его пальцы вцепились в край каменного цветка, украшавшего алтарь. Система молчала. Интерфейс, всегда висящий перед глазами прозрачной паутиной меню и полосок здоровья, дергался. Там, где раньше горела золотая иконка «Зона Безопасности — Активна», теперь пульсировала алая надпись: «ОШИБКА: Божественное покровительство не найдено».

— Этого не может быть, — прошептал Артем.

Он знал правила «Бездны» — самой дорогой, самой реалистичной VRMMORPG, созданной для умирающих. Для тех, чье тело превратилось в тюрьму, а последним пристанищем стала медицинская капсула полного жизнеобеспечения. Здесь нельзя было умереть по-настоящему. Здесь, в Храме, нельзя было даже получить урон.

Но человек в черной робе, лежащий теперь в луже собственной крови, определенно не согласился бы с этим правилом.

— Помогите! — заорал Артем, вскакивая на трясущиеся ноги.

Голос сорвался, ударился о высокие своды храма, украшенные витражами с изображениями богов этого мира, и растворился в тишине. В безопасных зонах всегда играла успокаивающая, арфовая, обещающая спасение, музыка. Сейчас не было ничего. Только шелест. Как будто тысячи цикад собрались прямо под каменным полом и терлись друг о друга своими крыльями.

Август за окнами храма был обманчиво прекрасен. Искусственное солнце «Бездны» светило сквозь витражи, разбивая пространство на багровые и янтарные лоскуты. Там, снаружи, колосились золотые поля, росли дубы с листвой, которая никогда не опадала, и пели птицы, которых запрограммировали петь вечно.

Но внутри пахло смертью.

Артем попятился к выходу, споткнулся о ногу трупа и ед-

ва не упал. Он посмотрел вниз, на мертвое лицо. Это был один из «вечных» — игрок, который жил здесь годами, чье реальное тело давно превратилось в кусок мяса с электроникой. Его звали Гроган. Могучий воин с топором, который вчера смеялся в таверне «Усталый странник» и хвастался, что пробудет здесь еще сто лет.

Теперь его глаза были открыты. Они смотрели в потолок, зрачки расширились и застыли так, как это бывает только у мертвых.

— Это просто игра, — сказал себе Артем. — Это просто...

Он поднял голову и увидел Ее.

Она стояла у алтаря, там, где секунду назад никого не было. Там, куда не мог телепортироваться ни один игрок. Она была маленькой, хрупкой, с каштановыми волосами, собранными в два небрежных хвоста. На ней было простое белое платье, какое обычно выдают новичкам в стартовой локации. Босыми ступнями наступая в лужу крови.

Она улыбалась.

И в этой улыбке не было ничего человеческого.

— Привет, Артем, — сказала она. — Ты не знаешь, где тут выход? Кажется, я заблудилась.

Она наклонила голову. И на шее вместо гладкой кожи появилась рваная рана — глубокая, черная, с торчащими осколками. Это был не спецэффект. Это было реальное повреждение, записанное в серверах.

Она была мертва.

Она была мертва еще до того, как вошла в этот храм.

— Ты... — Артем попытался вызвать системное меню, чтобы выйти из игры. Экстренное отключение. Палец нажимал на невидимую кнопку раз за разом, но интерфейс только дергался, выбрасывая алую надпись: «ОШИБКА: Соединение с медицинским модулем разорвано».

— Не получится, — прошептала девочка, делая шаг вперед. — Знаешь, как трудно было пробить защиту их драгоценных капсул? Твой пульс, Артем. Твое дыхание. Твои мозговые волны. Они больше не принадлежат тебе. Они принадлежат мне.

Она сделала еще шаг. Кровь на полу начала собираться в ручейки, которые тянулись к ногам Артема, обвивали его лодыжки холодной, липкой хваткой.

— Ты ведь не знаешь меня, да? — спросила она, и в ее глазах, черных, как битое стекло, зажглись огоньки. — Но я знаю тебя, Артем. Я знаю всех вас. Вы смеялись. Вы отворачивались. Вы говорили: «Это просто слова, она сама виновата».

Ее губы задрожали, и на секунду сквозь маску безумия проступила боль. Такая огромная, такая всепоглощающая, что храм покачнулся, витражи треснули, а золотая пыльца с алтаря посыпалась черным пеплом.

— Меня звали Юри, — сказала она. — Вы убивали меня. По капле. По пикселю. По слезе. А теперь я собираю долги.

Она подняла руку. Из ее пальцев, неестественно длинных, вырвались тонкие нити, похожие на паутину. Они были сделаны из сырого, бьющегося, пульсирующего кода, который тек как жидкий свет.

Нити вонзились в тело Грогана, которое все еще лежало на полу. Мертвый воин дернулся и выгнулся дугой, его рот открылся в беззвучном крике.

Мертвый встал.

— Поиграем? — спросила Юри, и храм наполнился детским смехом.

Артем побежал.

Он бежал по мраморным коридорам «Храма Вечного Приюта», хотя в игре и не должно было быть одышки, его легкие горели. Правила изменились. Боль теперь была настоящей. Он вылетел через главные ворота, и августовское солнце, ударив в лицо, ослепило его на секунду.

Поля. Бескрайние золотые поля «Бездны». Трава, запрограммированная шелестеть под ветром. Вдалеке виднелась деревня, уютные домики с соломенными крышами, дымок из труб, фигурки других игроков, которые занимались своими делами: кто-то точил меч, кто-то торговал, кто-то просто сидел на лавочке и наслаждался вечным покоем.

— Стойте! — закричал Артем, размахивая руками. — Бегите! Отключитесь! Выходите из игры!

Они не слышали. Или не хотели слышать. Пожилой игрок в мантии волшебника поднял голову, посмотрел на бегущего

с окровавленным лицом Артема и нахмурился.

— Молодой человек, здесь безопасная зона. Прекратите бесчинства, или я вызову модератора.

— Нет никаких модераторов! — заорал Артем, хватая старика за плечи. — Посмотри на храм! Посмотри!

Старик обернулся.

Храм горел.

Фиолетовым, холодным, пожирающим саму реальность, огнем. Места, куда касалось пламя, превращались в рябь, а потом исчезали, оставляя за собой пустоту.

— Что... что это? — прошептал старик, и его лицо побелело.

Из огня вышла Юри. И за ней шли мертвецы. Это был уже не один Гроган. Десятки. Сотни. Аватары игроков, которые умерли в «Бездне» за последние... сколько? Год? Два? Все они теперь были здесь, с пустыми глазами, с болтающимися конечностями, с запекшейся кровью на губах.

— Активация события «Жатва», — голос Юри звучал из каждого цветка, в каждом дуновении ветра. — Цель: уничтожить всех. Награда: отсутствует. Время: до последнего игрока.

Она подняла обе руки. Из ее ладоней ударили лучи, и в них отразились десятки лиц. Лица реальных людей, лежащих сейчас в медицинских капсулах по всему миру. Лица тех, кто издевался. Кто смеялся. Кто писал в комментариях «самоубийство — это слабость», «хочешь внимания?», «иди

и сделай это».

— Вы хотели крови? — спросила Юри, и в ее глазах не осталось ничего, кроме пустоты. — Вы получите ее.

Мертвецы бросились вперед.

Артем успел вытащить меч, и первая волна мертвецов наткнулась на сталь. Меч вошел в грудь Грогана, и Артем почувствовал, как лезвие дрожит, как с него капает что-то черное, как из раны вылетают настоящие, живые, вонючие мухи.

Гроган улыбнулся окровавленным ртом и схватил Артема за горло.

— Прости, — прошептал он чужим голосом. — Она не дает нам уйти. Она заставляет.

Рука сжалась. Артем захрипел, его зрение потемнело по краям. Полоска здоровья, которую он наконец-то смог увидеть, падала с катастрофической скоростью. 80%... 60%... 40%...

В последний момент он ударил ногой, вырвался, откатился в сторону. Меч остался в груди мертвеца, и тот, даже не заметив потери, повернулся к другим игрокам.

Крики заполнили весь мир.

Старик-волшебник пытался наложить щит, но магия не работала. Ее заблокировала тьма. Девушка-целительница в белом плаще упала на колени, молясь богам, которых больше не существовало. Молодой парень в латах пытался телепортироваться, но его тело разорвало пополам, оставив на траве два куска мяса, которые еще шевелились.

Кровь лилась рекой. Она заливала золотую пшеницу, делая ее черной. Она текла в ручьи, отравляя воду, превращая ее в кислоту, которая разъедала все, к чему прикасалась.

— Это не игра, — прошептал Артем, глядя на то, как один из мертвецов отрывает голову женщине, которая всего минуту назад смеялась и обсуждала, какой пирог испечь в таверне. — Это ад.

И тогда он увидел ее снова. Юри стояла на холме, глядя на резню с выражением, будто она наконец-то закончила домашнее задание, которое мучило ее всю жизнь.

— Артем, — позвала она, и ее голос перекрыл крики умирающих. — Ты особенный. Ты не издевался. Ты просто смотрел. Ты проходил мимо. Ты думал: «Это не мое дело».

Пока она спускалась с холма, трава под ее ногами увядала, превращаясь в прах.

— Но бездействие — это тоже выбор, — сказала она, оставаясь в метре от него. — И за него тоже надо платить.

Она коснулась его щеки кончиками пальцев. И в этом прикосновении Артем увидел ее историю. Школьные коридоры. Смеющиеся лица. Сотни сообщений в мессенджере: «Почему ты еще жива?», «Никому не нужна», «Сдохни, мусор». Он увидел, как она стоит на краю крыши, как ветер треплет ее волосы, и как никто, никто не сказал: «Стой. Я с тобой. Я помогу».

Он увидел, как ее тело падает. Как асфальт встречает ее лицо. Как мир продолжает вращаться.

— Почему? — спросил Артем, и его голос сорвался. — Почему мы?

— Потому что, — ответила Юри, и впервые в ее голосе появилась печаль. — Потому что вы так и не научились любить друг друга. Потому что вам было проще нажать кнопку «Забанить», чем сказать: «Ты не одна».

Она отошла.

— У тебя есть один час, Артем. Спрячься. Сражайся. Плачь. Все равно. Через час я приду за тобой. И тогда мы поиграем по-настоящему.

Она исчезла, растворившись в фиолетовом дыму, оставив после себя запах горелого мяса и почему-то... цветов сакуры. Августовской сакуры, которая не должна была цвести в это время.

Артем остался стоять посреди поля.

Он поднял с земли чей-то меч — покрытый засохшей кровью, с выщербленным лезвием. Полоска здоровья показывала 15%.

— Мы все заслужили, — прошептал Артем, глядя на черное небо, которое медленно затягивалось багровыми облаками. — Каждый из нас.

Где-то за полем снова раздался смех.

А потом начался дождь. Кровавый дождь.

Один час.

Артем смотрел на свои руки. Они были в чужой крови. Она засохла, превратившись в липкую корку, которая трес-

калась при каждом движении пальцев. Где-то внутри, глубоко под слоями паники и ужаса, еще теплился голос разума. «Это игра. Ты не можешь чувствовать запах крови. Это просто сигналы, посылаемые медицинской капсулой, которая поддерживает твоё гниющее тело в реальном мире».

Но реальный мир для него умер.

Артем понял это, когда алая надпись начала пульсировать перед глазами: «ОШИБКА: Соединение с медицинским модулем разорвано». Но под ней появилась новая строка, более мелким шрифтом, таким, который обычно используют для лицензионных соглашений, которые никто никогда не читает:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РЕЖИМ „ЖАТВА“. ВАШЕ СОЗНАНИЕ БУДЕТ ОТКЛЮЧЕНО ПОСЛЕ ДОСТИЖЕНИЯ НУЛЕВОГО УРОВНЯ ЗДОРОВЬЯ. ОРИЕНТИРОВОЧНОЕ ВРЕМЯ ДО ПОЛНОЙ СМЕРТИ МОЗГА: 60 МИНУТ. ПРИЯТНОЙ ИГРЫ!»

Он прочитал это три раза. На четвертый его вырвало. Настоящая рвота, кислая, горькая, которая обожгла горло и выплеснулась на траву, превратившуюся под его ногами в грязное месиво.

— Это не может быть законно, — прошептал он, вытирая губы. — Это не может...

Но законы остались там, в реальности, где судьи и адвокаты никогда не задумывались о том, что случится, если умирающий миллионер вложит свои последние деньги в игру,

которая обещает бессмертие, а вместо этого дарит медленную, мучительную смерть от перегрузки нейронов.

Он заставил себя встать. Ноги дрожали. Полоска здоровья — 15%. Один удар. Одна ошибка. Одна встреча с любым из тех созданий, что бродили теперь по полям «Бездны», и все закончится. Не отключением. Не телепортацией в город возрождения. А настоящей, физической, окончательной смертью его мозга, который медицинская капсула будет бессильна реанимировать, потому что Юри перехватила контроль над всеми системами жизнеобеспечения.

— Ты думаешь, что умрешь, если потеряешь все здоровье? — раздался голос у него за спиной.

Артем резко обернулся, выхватывая подобранный меч. Это был парень. Молодой, лет семнадцати, с бритой головой и татуировкой на шее — татуировкой, которую он никогда не смог бы сделать в реальной жизни, потому что его настоящее тело, наверное, было изуродовано ожогами или чем-то похуже. В «Бездне» все были красивыми. Или почти все.

— Ты кто? — спросил Артем, не опуская оружия.

— Меня зовут Коля, — сказал парень, и его голос был удивительно спокоен. — Но здесь я — Когтерез. Уровень 94. Ассасин. Я видел, что случилось в храме. Я был в инвизе, когда началось. Я видел ее.

— Юри?

— Да. Она не игрок. Не NPC. Она — вирус. Нет. Вирус — это слишком просто. Она — желание. Ты знаешь, как рабо-

тают эти капсулы? Нейроинтерфейс читает твои мысли, твои эмоции, твои самые темные желания и превращает их в пиксели. Она — это желание смерти. Желание мести. Желание справедливости, которое стало апокалипсисом.

Коля говорил быстро. Его глаза смотрели куда-то вдаль, на горящий храм, от которого осталась только воронка.

— У нас меньше часа, — продолжил он. — Она дала тебе час, потому что ты интересный. Она будет за тобой охотиться. А остальных она просто убьет.

— Сколько выживших? — спросил Артем.

— Я насчитал около тридцати. Может, сорока. Но они разбежались. Кто-то в леса, кто-то в горы, кто-то пытается добраться до административного сервера — там, по идее, должен быть аварийный выход.

— Административный сервер?

— Вон там, — Коля махнул рукой. — За горами. Примерно в трех часах бега обычным темпом. Но у нас нет трех часов. У нас есть пятьдесят семь минут.

Артем посмотрел на восток. Горы были далекими, синими, укутанными вечным туманом. В нормальной игре туда можно было телепортироваться за три серебряных монеты. Но порталы — это часть кода, а код теперь принадлежал Юри.

— А если мы просто спрячемся? — спросил он, ненавидя себя за трусость. — Найдем пещеру, закопаемся...

— Она найдет, — оборвал его Коля. — Она — игра, Ар-

тем. Она знает каждый пиксель. Каждый куст. Каждую травинку. Ты не спрячешься от собственного кошмара. Ты можешь только...

Он не договорил.

Земля под ногами вздрогнула.

— Бежим, — сказал Коля, и его спокойствие исчезло, уступив место первобытному ужасу. — Бежим, мать твою!

Они побежали.

Артем бежал по полю, перепрыгивая через трупы, через лужи крови, через обломки того, что когда-то было таверной «Усталый странник». Из разбитых окон доносились нечеловеческие крики.

Он оглянулся через плечо и пожалел об этом.

Из черной воронки, оставшейся на месте храма, поднималось нечто. Сотни, тысячи мертвых аватаров, сплавленных воедино. Их руки, ноги, головы были переплетены, сломаны, воткнуты друг в друга, и из этой массы торчали клинки, щиты, посохи — все оружие, которое когда-либо существовало в игре.

Существо имело сотню лиц, каждое из которых беззвучно кричало. Десятки ног, которые двигались синхронно, разрывая землю.

— Что это?! — закричал Артем, не надеясь на ответ.

— Босс! — крикнул в ответ Коля, не сбавляя скорости. — Она создала босса из тех, кого убила! Его уровень не отображается. Знак бесконечности. Это значит, что он непобедим!

— Зачем тогда бежать?!

— Потому что, когда бежишь, ты хотя бы делаешь что-то!

А когда стоишь на месте — ты просто ждешь смерти!

Они влетели в лес. Лес в «Бездне» всегда был красивым: сосны, березы, грибы с красными шляпками, олени с ветвистыми рогами. Теперь сосны были сломаны, березы ободраны до голой древесины, а грибы превратились в наросты, из которых сочилась жидкость, похожая на гной.

— Стой! — вдруг крикнул Коля, хватая Артема за плечо.

— Тише!

Артем замер. Его сердце колотилось так сильно, что он слышал буквально его.

Цикады.

Тысячи цикад, которые терли своими крыльями где-то совсем рядом, под корой деревьев, под опавшей листвой, под самой землей. Их стрекот был таким громким, что заглушал даже шаги приближающегося босса.

— Она здесь. — прошептал Коля оглядываясь.

И тогда из-за дерева вышли они.

Три мертвеца. Двое мужчин и одна женщина. Женщина была в разорванном платье целительницы. Мужчины были воинами в латах.

— У них нет уровней, — сказал Коля, делая шаг назад. — Их нельзя убить обычным оружием. Их можно только рассеять. На время.

— Чем?!

— Думай, Артем! — Коля выхватил два изогнутых, покрытых ядом кинжала. — Если мы найдем уязвимость, если мы поймем, как она переписала правила...

Он не договорил. Мертвецы бросились на них.

Женщина-целительница прыгнула прямо на Артема. Он едва успел подставить меч, но она не остановилась. Она давила, кровь из ее раны текла по мечу, по рукам Артема, обжигая, как кислота.

— Твою мать! — заорал он, пытаясь выдернуть оружие.

Коля оказался быстрее. Его кинжал вонзился в висок женщины, и оттуда брызнули искры. Мертвец замер, ее тело начало дергаться в конвульсиях, а потом оно просто рассыпалось на пиксели.

— Видишь?! — крикнул Коля, отбиваясь от второго мертвеца. — У них есть уязвимость! Голова! Мозг! Там, где хранятся данные!

Артем поднял меч и бросился на третьего — того, что был в латах. Мертвец не защищался. Он просто шел вперед, позволяя клинкам крошить его броню. Он не чувствовал боли. Он чувствовал только приказ.

Артем ударил мечом. Мертвец упал на колени, его челюсть открылась, и оттуда послышался голос Юри.

— Хороший прием, Артем. Но их много. Очень много. А вас — двое. И ваше здоровье... твоё здоровье, Артем, всего 12%. Один хороший удар, и ты умрешь. По-настоящему. И знаешь что? Я буду смотреть. Мне нравится смотреть.

Голос исчез, оставив после себя звук цикад, который становился все громче.

Коля добил второго мертвеца. Его полоска здоровья была чуть выше — 67%. Но на его лице была холодная, расчетливая злость.

— Она играет с нами. — сказал он. — Ты заметил? Она не управляет мертвецами напрямую. Она дает им приказы, но они действуют автономно. Она не бог, Артем. Она просто очень умная, очень злая программа, которая когда-то была девочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.